

ЭТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ “РОДНАЯ ЗЕМЛЯ”

ВЫПУСК ПЯТИДЕСЯТЫЙ:

Александр Георгиевич Журавлев,
сопредседатель Общероссийского земского Союза
РОССИЯ ПРЕДРАССВЕТНАЯ
Записки бывшего депутата бывшего Союза
(1989–1993 гг.)

Геннадий Малкин
АФОРИЗМЫ

Апрель 2012

М. ШОЛОХОВ “ТИХИЙ ДОН”

Высоким куполом к Христу устремлена
миролюбивая и православная страна
попала в ножницы из лютой стали.

В растворе их
все люди убивать друг друга стали,
и разрушать себя, свою страну,
и подавить старались сторону одну.
Всё для того, чтобы сильна была другая,
и, однобокости своей не сознавая,
прожили так десятки лет,
пока Колосс односторонний
не рухнул, тем наделав много бед
толпе, от зла ничем не защищённой.
Самостоятельность и солидарность
утратили за сим былую парность,
всё рассыпа'лось на глазах...
И этот рукотворный прах,
и капли новой русской крови
у всех остались на ногах...
Сегодня в исторических руинах
пытаемся найти ростки
России сильной и единой,
чтобы могла весь мир спасти,
хотя заветы забываем,
истории не почитаем,
иначе, созидавая государство,
запомнили бы на года,
что строят на крови не царство,
а храм. В России так всегда.

Наталья Гай

*Александр Георгиевич Журавлев,
сопредседатель Общероссийского земского Союза*

РОССИЯ ПРЕДРАССВЕТНАЯ
Записки бывшего депутата бывшего Союза
(1989–1993 гг.)

1999 г.

“Я увидел, что во всякой земле худого гораздо больше, нежели доброго; что люди везде люди; что умные люди везде редки; что дураков везде изобильно, и, словом, что наша нация не хуже некоторой, и что мы дома можем наслаждаться истинным счастьем, за которым нет нужды шататься в чужих краях”. — Д.И. Фонвизин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Желание осмыслить происходящее со всем, что мне близко и дорого, родилось сразу же после распада СССР. Растерянности не было. Было жгучее чувство горечи и обиды не от самого факта поражения, а от того, что победу одержали тёмные силы, обманувшие надежды и чаяния людей на улучшение жизни. Россия погрузилась во тьму, которая, как известно, боится только сил света, как ложь – правды, преступник – возмездия, вор – правосудия.

В начале века Россию склонили к материализму, в конце – к монетаризму. Сделали это люди, либо не понимающие сути русской культуры и цивилизации, либо ненавидящие её, т.е. либо невежды, либо патологические преступники и враги России. Ведь, как говорил Талейран, ошибка в политике – это преступление. Ошибки же и марксистской и монетаристской политики доказаны практикой, а она – критерий истины. Так что преступный мир правит Россией, как минимум, с 1917 года. В этом и только в этом смысле может и должна идти речь о смене власти. А она всегда есть концентрированное выражение духовности народа, проявлением которой является культура. Власть и культура – диалектическое единство двух противоположностей. Борьба между ними и есть история. Кризис культуры рождает кризис власти и наоборот.

В мои планы входит выпуск, помимо этой, еще двух книг, объединённых желанием осмыслить прошлое, настоящее и будущее России. Вторая книга под названием “Русский вопрос: быть или не быть” готова, работа над третьей должна быть завершена в этом году. А начало реализации замысла положено брошюрой “Идейность, духовность, государственность”, выпущенной в 1997 году Международным Славянским Университетом им. Г.Р. Державина.

Две написанные книги намеренно содержат некоторые из опубликованных материалов, а первая целиком состоит из них, чем объясняются отдельные повторы в тексте. Этим автор хочет показать, что его убеждения не сиюминутны и не конъюнктурны. Они сложились задолго до 1989 года и принципиально никогда не изменялись. Их суть – в синтезе двух, казалось бы, несовместимых идей: христианской и коммунистической, идеализма и материализма. В результате автор пришел к идее русского социализма, реализация которой требует установления в России русской власти, когда слово “русский” воспринимается не как существительное, а как прилагательное.

У России и всего человечества один враг. Имя его – сатанизм, а бог сатанистов – деньги. Это их главное оружие, которым и нужно их бить в первую очередь. Тайна денег сродни тайне Кощея Бессмертного и Змея Горыныча. Так что сказки – ложь, да в них – намёк, добрым молодцам – урок. Но о тайне денег речь пойдёт только в третьей книге.

Идет последняя мировая война. “Бой идёт святой и правый. Бой идёт не ради славы, ради жизни на земле”. Вот об этом предлагаемые книги без всякой претензии на бесспорность, а лишь с желанием исполнить долг – внести посильную лепту в святое дело победы света и добра над тьмой и злом.

Автор

ИЗ ПРЕДВЫБОРНОЙ ПРОГРАММЫ (“Вечерний Минск”, 6 марта 1989)

Основным положением моей программы является принцип: “Всё – от человека, всё – для человека”. Чтобы реализовать его, необходимо осуществить коренную перестройку системы производственных отношений, основу которых составляют отношения собственности. А там, где собственность, там интересы: людей, коллективов, общества в целом.

Наша сила и наше спасение – в правде, какой бы горькой она ни была. Эту чашу придётся испить до дна, если общество желает очищения и обновления. И прежде всего необходимо признать, что нынешняя предкризисная ситуация носит не только и не столько экономический, сколько идеологический и нравственный характер. Без реформы идеологии невозможна и реформа экономики.

Перестройке необходимо идеологическое обеспечение. Надо привести наше мировоззрение в соответствие с уровнем современной научной мысли и фактами, ибо нынешние представления, например о труде человека, иначе как дремучими не назовёшь. Характер труда претерпел качественные изменения. Во всех передовых странах мира самым производительным считается умственный труд. А у нас даже на страницах газет нередка мысль, что рабочий кормит писателя или профессора... Представьте рабочего, который вчера собирал, к примеру, электроутюги, а сегодня – электронную аппаратуру. Стал производить более сложные и дорогие изделия, стал больше зарабатывать и лучше жить. А кто обеспечивает прогресс производства? Не работники ли умственного труда?

Только общими усилиями рабочего класса, сельских тружеников и интеллигенции можно избежать дальнейшего осложнения социально-экономической ситуации. Давайте же, наконец, окончательно уразумеем, что все мы – одно целое. Любое противопоставление по классовому, национальному или религиозному признаку губительно. Ведь все мы на грани социально-экономического кризиса...

Поэтому исходный пункт моей предвыборной программы – система социально-экономических и правовых гарантий. Почему? Да потому, что нас ждут нелёгкие времена...

Наша общая сверхзадача – выживание. Только сплотившись, можно противостоять развитию кризисных явлений.

Комментарий

О нелёгких временах – как в воду глядел... Простите за саморекламу. Поверьте: не взять, а отдать хочу всё, что вложено в меня Учителями, первые из которых – Мать и Отец.

Государство возникает там и тогда, где и когда возникает Церковь – духовное тело некоторой совокупности индивидов. Минимальная совокупность – двое: мужчина и женщина. Они начало Семьи, малой Церкви и малого Государства. Там, где рушится Семья и Церковь, рушится и Государство. А крушение политики и экономики – лишь следствие крушения Семьи, Церкви и Государства. Таким образом, духовный, идеологический и, следовательно, мировоззренческий кризис предшествует кризису политическому и экономическому. Первый выступает в качестве причины, а второй – следствия. **Мы упорно боремся со следствием вместо того, чтобы устранить первопричину болезни нации. Ведь катастрофа-то не политическая и экономическая, а значит – духовная.**

ИЗ ИНТЕРВЬЮ ГАЗЕТЕ “ИЗВЕСТИЯ” (“Известия”, 16 августа 1989)

Когда шла предвыборная кампания, я сказал, что в своей программе буду ориентироваться на интеллигентных людей. Этим заявлением некоторые были шокированы. Но интеллигентные люди в моих глазах – не социальная прослойка, а те, кто никогда не будет делать себе хорошо, зная, что другим станет плохо... Интеллигенция не может допускать узкого национального эгоизма, нетерпимости, насилия. Если мы хотим демократии, надо гигантскими шагами стремиться к культуре и цивилизованности как в отношениях между людьми, так и между личностью и государством. В правовом государстве должны жить сознательно законопослушные граждане. Хватит у нас всех ума, терпимости, интеллигентности – будем спасены. Но до сих пор слово “интеллигент” многие произносят с оттенком снисходительности или пренебрежения. И это отношение ещё предстоит переломить.

Никакие призывы не заставят людей в их массе действовать так или иначе, если они на своем опыте не убедятся, от чего зависит успех. Если

умственный труд мы не перестанем считать второсортным и не будем его стимулировать, образование высокой ценности не возымеет.

Чтобы выпускать конкурентоспособную продукцию, нужно иметь квалифицированную рабочую силу и дать ей максимальную свободу, а свобода без культуры и образования разрушительна. Созидательной она становится только в цивилизованном обществе. Для нас сейчас главное – поумнеть, чтобы выжить. Из бедной школы через бедные вузы путь лежит только в бедное общество. Пора сворачивать с этого пути.

Когда местные Советы получают власть и деньги, очень важно, чтобы именно на их уровне была осознана потребность кардинальных перемен в системе образования. Когда-то в России немалую роль в его подъёме сыграли земства. Это были демократические учреждения, выразившие народные интересы. И неплохо бы нам кое-что вспомнить из их опыта. Школьные проблемы при доминировании хозяйственных забот слишком часто оказывались у нас ничьими. Но государство и его органы на то и существуют, чтобы брать на себя “ничьи” проблемы: оборону, развитие крупных производств, заботу о природе, правопорядке и т.д. Лелею надежду, что теперь, когда государство будет освобождаться от несвойственных ему мелких забот, Советы, обретая власть, возьмут на себя интеллигентную миссию – в первую очередь позаботиться о единстве духовного и физического здоровья народа, о его школе.

Комментарий

Можно ли считать интеллигентным человеком того, кто применяет насилие? Да, можно, если насилие есть сопротивление злу. Позиция Ивана Ильина по этому вопросу представляется многим куда более убедительной, нежели рассуждения Льва Толстого. Наше всё возрастающее сопротивление злу насилием с конца прошлого века и стало основной причиной национальной катастрофы. Доколе же русские будут терпеть издевательства над собой? Не пора ли власть употребить? Ведь власть – это диктатура, принуждение. Либо добро принуждает зло, либо само принуждается им. Правит бал либо Бог, либо Дьявол. Мы отвернулись от Бога, соблазненные Дьяволом. А потому наказаны по заслугам и справедливости. Больше всех повинна в этом интеллигенция, не сумевшая выполнить свою историческую миссию. Она же и пострадала вместе со всеми.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ЗАСЕДАНИИ СЕКЦИИ “О МЕРАХ ПО ОЗДОРОВЛЕНИЮ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ” ВТОРОГО СЪЕЗДА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

(14 декабря 1989)

Полагаю, что мы должны говорить только о таких мерах, которые действительно затрагивают экономику как целостность и позволяют придать ей определенную динамику. С чего же надо начать, чего у нас нет? У нас нет денег. Есть денежные знаки, а денег нет вообще. Такой ситуации, когда, имея деньги, нельзя купить товара, практически нет ни в одной нормальной стране.

Мы решили построить общество без денег, без рынка, с одной-единственной формой собственности – общественной, когда отмирает государство, когда всё должно отмирать, но каким-то чудом сохранилось. Чтобы были товарно-денежные отношения, самым ценным товаром должны стать деньги. И до тех пор, пока мы не восстановим силу рубля, пока поток товаров и встречный ему поток денег не зациркулируют, не будет у нас с вами экономики.

Так вот, первое, что нужно сделать, надо оздоровить денежно-финансовую систему. Каким образом? Есть разные предложения. Я всё-таки сторонник введения второго курса рубля с тем, чтобы постепенно, подобно тому, как в заболевшем человеческом организме производят переливание крови, вытеснять старые деньги новыми. По мере этого станет исчезать дефицит, будут уменьшаться очереди. Только по этим показателям можно судить, куда мы с вами движемся. Так вот, ввод второго курса рубля позволит это сделать. И ещё позволит не хвататься за реформу цен. Я много занимался проблемой цен и совершенно ответственно заявляю, что цены и реформа их – это не начальный, а конечный момент экономической реформы. Экономика будет приходить в нормальное состояние подобно тому, как у выздоравливающего организма в норму приходят кровяное давление, пульс, температура и т.д. Если мы будем играть с ценами – мы доиграемся. Надо привести в порядок деньги, оплату труда. И только потом, в условиях новой денежной системы, в условиях новой системы оплаты труда экономика своей динамикой, на основе законов саморазвития придет к ценам, которые экономисты называют равновесными.

Величайшим экономическим открытием до сих пор было открытие двух встречных потоков – потока денег и потока товаров. Но для того, чтобы они циркулировали, нужен встречный поток людей, поток трудящихся. Надо добиться, чтобы те, кто достиг потолка своей компетентности, начали наконец спускаться вниз, а им навстречу пошел поток тех, кому ещё далеко до потолка, – талантливых, добросовестных, хватких.

Комментарий

Худа без добра не бывает. И хоть досталось это дорогой ценой, но деньги проявили свою сатанинскую сущность. Однако по-прежнему не в цене ни честь, ни совесть, ни порядочность, без которых ум и образованность могут нести лишь зло и разрушение. А теперь ещё образованность и воспитанность становятся второ- и третьеразрядными ценностями. К. Маркс установил, что бог еврея – деньги. Если Россия станет молиться не своему богу, то есть дьяволу и деньгам, она перестанет быть Россией и превратится в Израильско-Американский филиал. Нам нужны сначала человеческие, а потом уже экономические отношения, сначала Храм, а потом уже рынок. Христос не даром выгонял торговцев из Храма. Может, и дождёмся Его второго пришествия, но в нормальном человеческом облике, а не в облике маниакальной личности из белого или еще какого “братства”.

КТО ЛИЧНО МЕШАЕТ ПЕРЕМЕНАМ *(“Неделя”, июнь 1990)*

На заседаниях Верховного Совета СССР часто звучит один и тот же рефрен: “Народ ждёт такого закона. Так давайте же примем его быстрее”. Увы, но мои коллеги по депутатскому корпусу, придерживающиеся подобных взглядов, заблуждаются: от нас ждут не столько законов, сколько перемен к лучшему. Цель же эта, если идти только путем законотворчества, недостижима, если не учитывать, в какую общественную почву производится законодательный посев. А то, что принимаемые законы пока не смогли обеспечить желаемых перемен, – факт бесспорный. Это в конце концов может привести к истощению самого главного ресурса, запасы которого, как и запасы нефти, газа, угля, древесины, пресной воды и т.д., ещё недавно казались неиссякаемыми. Речь идёт о ресурсе человеческого терпения, дефицит которого чреват либо взрывом гнева у одних, либо апатией и окончательной утратой веры у других. Трудно сказать, что опаснее...

Недостатка в стремлении к переменам у нас не было никогда. Но одним, чтобы успокоиться, достаточно переставить мебель, другим – купить обновку, третьим – перейти на новую работу и т.д. Иным же необходимо поменять государственное устройство. Когда последнее желание охватывает критическую массу населения, в обществе начинается цепная реакция, приводящая в конце концов к его качественному обновлению. Начало такой реакции – гарантия необратимости перестройки. Эта гарантия сегодня налицо, и только безумцы могут броситься под колеса локомотива истории. Ф. Энгельс писал, что старое уходит мирно, если оно благоразумно, и его свергают, если оно противится новому.

Всякий раз в прошлом источник обновления формировался путем слияния двух начал – силы и разума. Когда верх брала сила, рушились основы демократии. Наше недавнее прошлое – красноречивое тому подтверждение. По какому пути двинемся мы сейчас? Кому и чему отдадим предпочтение – консерваторам или радикалам, шокотерапии или постепенности при переходе к рынку? Вот в чём вопрос всех вопросов, а не в том, что важнее и предпочтительнее – социализм или капитализм, план или рынок.

Наступает время объединения народов на базе общечеловеческих ценностей перед лицом угрозы неуправляемости социально-экономических, политических и экологических процессов. В этом, на мой взгляд, заключается одно из главных предназначений выдвинутого М.С. Горбачевым принципа нового мышления. Обострение классовых, национальных и религиозных противоречий и возникновение на этой почве конфликтов естественно и неизбежно в этом поворотном пункте истории. Прошлое не желает уступать будущему и, несмотря на обречённость, сопротивляется, порождая конфликты. Эти конфликты не обернутся трагедией, если верх возьмёт разум, а не сила. Но возьмёт ли?

Следует признать, что путь, по которому многие годы двигалось наше общество, был довольно далёк от пути к социализму, ибо социализм – это торжество разума, добра и справедливости. Мы же пошли по иной дороге. В

результате оказались где-то в стороне от социализма, где-то на перекрёстке дорог, одна из которых могла бы привести нас к фашизму. Отрицать его зерна в нашей стране опасно и безнравственно. Разве ничем не ограниченное да ещё искусственно возбуждаемое национальное чувство не ведёт к нацизму, религиозное – к фанатизму, классовое – к казарменному социализму, всё вместе – к человеконенавистничеству? Нет вины ни России, ни Германии в том, что их народы стали жертвами маньяков и наёмных мерзавцев. Пытаясь превратить народ в бессловесную и послушную массу, его подвергали не только физическому истязанию, но и мощной идеологической обработке. Ложные представления и поныне цепко держат наше общество, выступая главными барьерами на пути перестройки в целом и к рынку в частности.

Нет, ПУТЬ, пройденный нашей страной, – это не путь сплошного, не массового заблуждения, ибо обмануть себя позволили отнюдь не все. Заблуждалось массовое сознание, сбитое с толку идеологическими службами и подмятыми ими печатью и другими СМИ. Нашим соотечественникам внушали (по инерции всё ещё нередко и продолжают внушать), что главным источником общественного развития является классовая борьба. Что ведущим классом является рабочий класс, и он, следовательно, знает, как и куда вести общество. Что при единой форме собственности – общественной – нет и не может быть эксплуатации и безработицы. Что богатства природы неисчерпаемы и что не надо ждать милости от неё, взять у неё богатства – наша задача, что план – хорошо, а рынок – плохо и т.д. и т.п. Нас духовно калечили, насилуя наш разум, заставляя верить, что белое – это черное, и наоборот.

И сегодня, когда мы начинаем понимать, что единственный для нас путь к возрождению страны – путь к мировому рынку, первое, главное, что мы должны сделать, – преодолеть вбитые в нас стереотипы мышления. Иначе путь к нему для нас будет закрыт.

Почему я считаю так? Потому, что та псевдосоциалистическая, примитивная идеология, которой мы напичканы, противоречит рыночной экономике, напрочь её отрицает. Да и может ли быть иначе, если рынок требует смотреть на мир, каким бы он ни был, открытыми глазами и видеть его таким, какой он есть на самом деле, а не таким, каким хочется его видеть.

Когда вам нужно узнать, не больны ли вы, вы измеряете температуру, пульс, кровяное давление. Чтобы узнать состояние экономики, установить, здорова она или больна, нужно выяснить, как изменяются цены в стране. Но чего не знает наш всеведающий Госкомстат, так это – как меняются цены. Ибо цены, по нашим ещё недавно господствующим представлениям, вообще должны были меняться не иначе, как только по нашей собственной воле. Цены у нас устанавливались государственной системой ценообразования, возглавляемой Госкомцен СССР. Так складывалось убеждение, что цены, подобно любым другим экономическим показателям и нормативам, можно рассчитать. На самом же деле их можно только измерить в результате наблюдения за процессом купли-продажи, торговли, то есть за рынком. Цены – это сигналы, которые подаёт экономика о состоянии своего здоровья. Опасно, когда экономика приближается к зонам кризиса.

Их две – зона недопроизводства, или роста дефицита и очередей, и зона перепроизводства, когда всё большая часть продуктов труда не находит сбыта. Второй тип кризиса приводит к загниванию капитализма, первый – к загниванию социализма. Вот и разница между “их” и “нашим” ценообразованием, ибо здоровая экономика, к которой и следует стремиться в силу здравого смысла, требует равновесия между спросом и предложением и занимает промежуточное положение между двумя типами кризисов.

Установить же, где находится и куда движется экономика, можно только по поведению цен, длине очередей и количеству дефицитных товаров. Подобно тому, как по изменению температуры и результатам лабораторных анализов судят о состоянии здоровья человека. Рынок же как раз и даёт такую возможность. Только с его помощью может быть добыта необходимая для управления экономикой информация. В противном случае экономика становится неуправляемой, свидетелями чего мы с вами и стали.

Если мы хотим знать правду о состоянии экономики, она должна быть только рыночной, ибо плановая – это желаемая, а рыночная – реальная, фактическая экономика. По отчётам у нас долгое время всё было в порядке, пока скрывать правду стало невозможно, и тогда выяснилось, что развитой социализм на самом деле оказался загнивающим, а капитализм, о загнивании которого столь усердно вещали отечественные трубадуры, процветающим. Мы оказались у разбитого корыта потому, что умилялись ложью.

Самой главной политикой для любой партии была, есть и останется экономика. И только та партия, которая вооружится передовой теорией, будет способна вывести общество из состояния социально-экономического кризиса и сможет рассчитывать на то, чтобы быть правящей. В противном случае она потерпит поражение на ближайших выборах от любой сколько-нибудь серьёзной оппозиционной партии. Жизнь развивается столь стремительно, что очередные выборы могут оказаться досрочными, если намеченный ныне переход к рынку не даст желаемых результатов.

Реальна ли такая опасность? Да, реальна. (Кстати, этот, как и многие другие мои прогнозы, сбился в точности: и союзный, и российский парламенты были разогнаны.) Мой вывод основан на том, что экономика неразрывно связана с политикой, политика – с теорией, а теория – с мировоззрением. **Если общество и дальше будет заблуждаться по поводу соотношения субъективного и объективного и проповедовать верховенство юридического закона над нравственным, как это нередко имеет место на заседаниях Верховного Совета СССР, оно рискует вернуться в прошлое.** Напомню, что таких взглядов придерживался и старательно внушал их окружающим один из самых влиятельных юристов недавнего прошлого. Фамилия этого юриста – Вышинский. Так что напрасно мы пытаемся убедить себя, что будь в 1937-1938 годах закон другим, насилие было бы невозможным.

Важно ведь не только то, каковы законы, но и каково общество. Это, так сказать, две стороны одной медали. Безнравственному обществу не помогут никакие, даже самые отточенные формулировки правовых норм. “Закон, – писал Гегель, – есть мера и право”. Что толку в праве для общества, не

знающего чувства нравственной меры, нравственно невоспитанного? Показательные процессы 30-х годов были довольно изящно обставлены услужливыми юристами, для которых буква ими же разработанных законов была выше законов морали и нравственности. В результате сбита с толку толпа клеймила “врагов народа” и требовала расправы над ними.

Мы, кстати, не так уж далеко ушли от наших отцов и дедов, если смогли устроить обструкцию А.Д. Сахарову на первом Съезде народных депутатов СССР. А потому, какие бы законы ни принял Верховный Совет СССР, не будут они работать на наше общее благо, пока не совершится переворот в наших душах и умах, пока нравственный закон не станет главенствовать над юридическим.

Да, мы хотим справедливости. Но справедливость требует правды и строгости, доброты и взаимоуважения, ума и воспитанности, достигающих совершенства в союзе с образованностью. **Золотое правило этики гласит: никогда не поступай так, как ты не хочешь, чтобы окружающие поступили с тобой. На экономическом языке это правило может быть сформулировано следующим образом: никогда не увеличивайте своё богатство за счёт уменьшения богатства других. Это и есть золотое правило идеального рынка.** Но и реальный рынок требует хотя бы минимальной честности и порядочности. И пока они в дефиците – не будет у нас рыночной экономики.

А теперь оглянитесь вокруг себя. Барьеры на пути к переменам – в нас самих. Это спекуляция, воровство, мошенничество, насилие, поклонение ложным ценностям, культ имущественных интересов. Путь к рынку – это путь борьбы с собственными недостатками, заблуждениями и пороками. Тернистый путь. Но, как известно, дорогу осилит идущий. Другой же дороги у нас нет.

Классическое образование на мехмате, где учат ничего не принимать на веру, пока нет доказательств, не могло не вызвать критического отношения к этой экономической теории, которая нам навязывалась. Да, экономика, безусловно, связана с политикой. Политика – с идеологией. Но идеология-то связана с мировоззрением!

И если мы сейчас хотим жизнь общества изменить, надо едва ли не каждому переосмыслить всю эту цепочку. Не для того, чтобы выяснить, кто насколько и в чем виноват. Виноваты наш уровень знаний, наш уровень культуры, если угодно, уровень духовности. В целом – наше мировоззрение.

Вина в том, что мы сделали шаг назад от этапа, когда всё подвергалось сомнению, когда нормой была критичность знания, самокритичность общества. И стали на позиции слепой веры.

Что уже в 60-е годы поменялось во мне самом? Поменялось понятие материального. Всё время нам говорили, что главное – материальное производство, ещё, мол, есть сфера нематериального производства. И я всегда поражался: сфера нематериального производства тоже реальная, действует на наши органы чувств, действительно существует. И если согласиться, что это реальное нематериально, тогда можно, как дважды два – четыре, доказать, что существует нечистая сила. Я начал задумываться, не договариваем ли мы чего-

нибудь здесь. И помогло мне именно естествознание, составляющее, по Марксу, основу всякого знания; я изучал физику, технику, представлял, как происходило восхождение человека по ступеням знания. Сначала был открыт закон сохранения материи, под которой фактически понимали вещество, потом выяснилось, что есть ещё компонента, которая называется энергией, потом – что есть ещё одна компонента – не вещество и не энергия, а информация. Мы же остановились на представлении о материальном как вещественно-энергетическом. И это стало для нас принципиальным барьером для перехода к новым технологиям: к информационным технологиям, когда требуется рассматривать информацию как производственный ресурс, а человеческий интеллект как ту силу, опираясь на которую, можно действительно восходить по ступеням социально-экономического общественного прогресса. Интеллект – это способность находить выходы из трудных положений, находить решения задачи. Но для того, чтобы решить задачу, помимо способности нужно сырьё, переработка которого и даёт уникальный продукт.

Не понимали мы в то время, не понимаем в нужной степени и сейчас, что информацию следует добывать, как добывают в окружающем мире нефть, газ, уголь, все сырьевые ресурсы. В конечном счёте добывать знание законов развития жизни. В число таких законов, по-видимому, входит и закон о пределах неэквивалентного обмена между человеком и человеком, между человеком и природой.

Есть ведь и термин *познание*. И если человек не восходит по знанию, он начинает восходить по трупам себе подобных. Использует не разум, а силу.

Вот спорим о социализме. А ведь социализм в моём понимании был всегда как идеал, при котором человечество культивировало разум. В любом обществе этот идеал существовал как культ разума. Там, где был или есть культ разума, там был, есть и будет социализм.

Вот, говорят, что у нас никогда не было фашизма, но ведь и он внеисторичен, поскольку проистекает из животного начала, не преобразованного воспитанным разумом. И больше всего меня мучает сейчас именно это. Что возьмёт верх? Мы как бы находимся в состоянии неустойчивого равновесия. Как шарик, который лежит на вершине холмика. Вспышка животного, то есть ставящего на силу, даже не в росте преступности, а в том, что растёт жестокость при совершении преступления. Совсем недавно я похоронил своего университетского товарища, который погиб нелепо, совершенно невероятно. Его, спящего, ехавшего из Хотькова, просто выбросили из электрички...

Уже очевидны две модели развития перестройки: закавказская и прибалтийская. Неочевидна пока третья – российская. И, конечно, поэтому все так смотрят на Россию. Ведь куда пойдёт она, туда, скорее всего, пойдёт и Союз.

Мы пытаемся создать рынок, даже не упоминая о законе стоимости, хотя этот закон, в отличие от юридических, в ряду объективных истин. А ведь ещё Гегель говорил, что попытающийся познать истину, должен быть готовым к тому, что люди постараются либо не заметить его, либо ополчатся против него.

Считалось, что в нашем обществе закона стоимости быть не могло, а для иных всё ещё и быть не может, потому что “не может быть никогда”. Вот и

противостояние двух начал. Многие не хотят вытеснить из себя старое знание, заполнить себя новым знанием, признать его истинность, потому что видят, что при этом изменится их положение в обществе. Вот один из источников агрессивности в обществе.

Моя личная неагрессивность, наверное, связана ещё и с тем, что я видел очень много жестокости в детстве. Совсем маленьким я попал в партизанский отряд, к ужасу, познал, что такое боль и кровь. Я осторожен, когда нужно принять резкое, что ли, решение, и вообще – из сомневающих. Но по принципиальным вопросам не воздерживаюсь в высказывании своей позиции никогда. В числе принципиальных вопросов – выдвижение на первый план непосредственного трудящегося, создание для него нормальных условий, чтобы он мог продуктивно работать. Пока у него нет для этого ни внешних, ни внутренних достаточных стимулов.

Первое, с чем сталкивается молодой человек, входя в жизнь, – невыгодно учиться, потому что как бы ты ни учился, не это приносит достойное обеспечение жизни. Не умом в нашем обществе достигается успех.

Тут надо вернуться к самому пониманию труда. Почему в разных языках мира существует два термина: труд и работа? И в русском, и в немецком, и в английском... Потому что работать может машина, лошадь, слон, силы природы. Но трудится только человек, поскольку труд – это осознанное использование силы, предполагающее переработку информации по нарастающей. Иначе человеку становится неинтересно. Вплоть до того, что при определённом уровне жизнеобеспечения он перестаёт включаться в предлагаемое другими производство вообще. **Самообучение, саморазвитие – вот что движет человеком.** А у нас даже просто учиться оказалось невыгодно. И это самое страшное, что могло произойти. Значит, уже на этапе первичной подготовки к труду, а затем и по всей цепочке мы грубо вмешались в обменные процессы общественного организма. И, подобно тому, как в человеческом организме при нарушении обмена откладываются соли, камни, песок в печени и почках, общество заболевает от неэквивалентности обмена. Причина – в неверной оценке труда, хотя закон стоимости говорит, что экономика объективно тяготеет к состоянию, при котором обмен происходит по стоимости. Т.е. налицо стремление к социально-экономической гармонии, стремление к справедливости. При всём многообразии продуктов труда (и разновидностей трудовых услуг) у них есть общее: они должны иметь свою цену. (Цена тут выступает в роли фотографии, портрета стоимости.) И цену своему труду, завершённому в продукте труда, вообще-то лучше всех знаю только я, как и вы знаете цену своему. И чтобы не наступил момент, когда я или вы не захотите дешевить, нужны “всего лишь” уважающие нас как собственников законоположения, механизмы эквивалентной передачи собственности от одного к другому. Нам, законодателям, не хватило ума и терпения детально разобраться в этом. Закон о собственности при всём нашем плюрализме не содержит именно такого отношения к создателю продуктов труда.

Нет у нас, что называется, опыта системного конструирования. Мы делаем сначала детали для некой целостной конструкции, не имея образа конструкции. Нет и конструктора. Он ещё не востребован. Ещё не востребованы люди уровня Витте или Столыпина, потому что общество пока ещё даже не в поиске, ещё лишь отряхивается от старого. Но не зря же, например, Лев Николаевич Толстой считал, что **неважно, в какой точке мы находимся, важно, в каком направлении движемся**. И если мы движемся в том числе и к структуре потребления цивилизованного мира, то надо иметь в виду, что на питание там расходуется около 20% семейного бюджета, а у нас – всё ещё 50% и больше. И тогда в русле этой цели возникает вопрос о средствах её достижения. Сейчас, мне думается, нужно было бы предложить подобную концепцию и спросить: кто может предложить способы, которые амортизируют ущерб, наносимый обществу при движении к этой цели. Начнётся вариантный перебор – один вариант, второй, третий...

Нынче уровня знаний хватает, чтобы любой обыватель понял: всякое дело требует, чтобы сначала была сформулирована цель, а затем подысканы средства для её достижения. Почему программный документ правительства привёл в шоковое состояние сначала депутатов, а затем и общество? Да потому, что в нём нарушена эта нормальная методология. Цель-то не сформулирована. А сколько вокруг предложенного накручено всякой работы, сколько вкалывания, сколько интеллектуалов, способных к истинному труду, пытались обосновать то, что общество отторгает. Ведь это тоже пример заведомого обесценивания труда. И всё-таки я очень хотел бы надеяться, что мы поумнеем.

КРИКОМ ДОМА НЕ ПОСТРОИШЬ *(“Советская Россия”, 5 ноября 1991)*

В числе вопросов, часто звучавших на моих встречах с избирателями, был вопрос, касающийся М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина, причём, чувствовалось, что многие симпатизируют Президенту России, в то время как рейтинг Президента СССР неуклонно падает. И теперь, похоже, кредит доверия Михаилу Сергеевичу внутри страны почти исчерпан. А значит, реформатором может стать либо глава Российской Федерации, либо некто третий.

Этот третий неизбежно появится, если руководителей РСФСР постигнет неудача в их попытке создать простор для развития рыночных отношений, хотя наверняка уровень жизни людей снизится, а социально-экономическое напряжение в стране возрастет, что поставит под удар судьбу взявшего на себя ответственность за реформы. Кстати, шансов на успех весьма мало, но выбора у Президента России тоже нет, ибо сам он, на мой взгляд, оказался заложником исторического процесса.

Есть известная шутка о пяти стадиях любого дела: сначала шумиха, потом неразбериха, затем поиск виновных и наказание невиновных и, наконец, награждение непричастных. Не исключено, что в скором будущем, когда виновных в провале реформ начнут искать, горькая чаша общественного осуждения не минет обоим нынешним лидерам. Однако суд истории воздаст им

по истинным заслугам и просчётам. Что касается М.С. Горбачева, то свою позицию я высказал на двух последних Съездах народных депутатов СССР и на пятой сессии союзного парламента. По поводу же Б.Н. Ельцина ясно одно: вне зависимости от его намерений Президенту России может грозить суровая участь, ибо от очарования до разочарования лишь один шаг, и отчаявшиеся и доведённые до нищеты люди могут, если разруха будет углубляться, смести своего недавнего кумира с пьедестала власти вместе со всей командой.

Говорят, что знаменитый астролог П. Глоба предсказал, что в конце нынешнего года Бориса Николаевича ждала или ждёт опасность совершить некую роковую ошибку... Не имелась ли в виду попытка главы России взять на себя ответственность за реформы? Его шаг был, как мне кажется, единственно верным в создавшейся обстановке, но результаты действительно способны оказаться роковыми, причём не только для самого руководителя республики, но и для его ближайших единомышленников. Они, кстати, должны бы отчётливо понимать, на что идут. Речь о судьбе Отечества.

У реформаторов не было и нет выбора, теперь всё зависит от того, *хватит* ли среди них грамотных и разумных людей, всерьёз озабоченных будущим страны. Если хватит, их ждёт триумф. Если же верх возьмут горячие головы и политические авантюристы, им на смену народ приведёт более достойных.

Выслушав Б.Н. Ельцина на недавнем Съезде народных депутатов РСФСР, я ещё раз задумался, насколько важно, чтобы в его команде глубже осознали степень опасности и личной ответственности за сделанный шаг. Боюсь, вокруг Президента России, как вокруг любого политического лидера такого масштаба и типа, неизбежно могут роиться личности, возбуждённые амбициями. Собственно, они даже полезны, когда надо делать разрушительную работу, но крайне опасны, если в их руки попадает право созидать. Криком дома не построишь, и без настоящих профессионалов далеко мы не уедем.

Далее нужна чёткая и ясная программа действий, понятная народу хотя бы в основных пунктах. Судя по речи на Съезде, такой программы у Б.Н. Ельцина нет. Во всяком случае он её не изложил, т.к. доложенное больше похоже не на программу, а на декларацию намерений. Хотя понятно, что необходимо не позднее чем через год добиться подъёма жизненного уровня людей. Это самое главное. И если соратники Президента плохо представляют себе, какими путями предстоит достичь названной цели, лучше бы им, мне кажется, уйти подобра-поздорову.

Разве горькие уроки провала предыдущих реформ, начатых союзным правительством, уже забыты? Те реформы заглохли, т.к. имели в своей основе рост цен. Если пресловутая “либерализация” цен, объявленная Президентом России, будет краеугольным камнем перемен, намеченных руководством РСФСР, средство снова окажется воспринятым как цель, и дело закончится очередным крахом.

Утверждают, что без свободных цен не появится рынок. Но тогда можно подумать, что **смысл экономической реформы не в том, чтобы создать людям достойные условия жизни, а в том, чтобы перейти к рынку любыми**

средствами. В итоге сам рынок способен стать пугалом, орудием пыток, по крайней мере так ныне считают многие. И главная жизненная проблема для людей сводится к тому, насколько длительной и мучительной будет “рыночная пытка”. А газеты продолжают твердить, будто без резкого рывка цен вверх никакая перестройка экономики невозможна... Хотел бы заявить со всей ответственностью: это не так!

Есть, я бы сказал, правила “техники безопасности”, обязательные для реформаторов. Первое из них – **контроль за денежной массой**. Необходимо укрепить рубль и вернуть доверие к нему. Тут можно ввести параллельную валюту, о которой мне не раз приходилось писать на страницах “Советской России”. Одновременно надо заниматься **конвертируемостью рубля**, а её можно было бы достичь посредством золотого эквивалента, (потребовалось бы примерно 500 тонн золота). Интересно, что, по словам Н.И. Рыжкова, золотой запас страны в начале прошлого года составлял почти 800 тонн, а через полтора года, по заявлению Г. Явлинского, сделанному, как он сказал, по согласованию с М.С. Горбачевым, сократился до 240 тонн. Иначе говоря, исчезло как раз то количество золота, которое требуется, чтобы рубль стал конвертируемым... Эта загадка, очень смахивающая на государственное преступление, надеюсь, будет разгадана, и рубль тогда начнёт подниматься с колен, спасая всю экономику.

Если уж речь зашла о деньгах, то нельзя не вспомнить идею российских денег, тоже прозвучавшую на депутатском Съезде. Действительно, обстановка может сложиться так, что РФ будет вынуждена сделать такой шаг. И значит, только конвертируемость рубля способна на территории бывшего Союза сохранить единое экономическое пространство. Хотя понятно, что, если реформы в РСФСР потерпят крах, останется мало шансов сберечь обновлённый Союз в любом его виде.

Второй печальный урок двух предыдущих реформ состоит в том, что был утрачен **контроль над доходами**. Стало быть, пришла пора срочно пересмотреть закон об индексации, чтобы не плодить “пустых” денег, возмещая растущие затраты всем подряд. Если опираться на старинную мудрость: “По одежке протягивай ножки”, то придётся ограничиться помощью лишь тем людям, которые получают свои доходы из госбюджета: пенсионерам, студентам, медикам, военнослужащим, работникам культуры. Значит, **безрассудно ввязываться в реформу, не имея продуманной системы налогов, обеспечивающей приток средств в бюджет**, а тем более самого бюджета, он, кстати, на уровне Союза пока даже не просматривается.

Ещё одно правило, подтверждённое мировым опытом, требует **освободить цены не раньше, чем реформе будет обеспечена надёжная опора в области финансов и в системе государственных гарантий, касающихся социальной сферы**. И тут нужна серьёзнейшая подготовительная работа. На мой взгляд, российское руководство, охотно рассылающее гонцов по заграницам, чтобы пропагандировать там свою политику, явно недооценивает необходимость разъяснения сути и путей экономических перемен самим россиянам. Если каждый солдат, по словам великого русского полководца,

должен знать свой манёвр, то любой житель республики в пору экономического перелома вправе уяснить себе, на какую помощь государства и трудового коллектива он может рассчитывать, а в чём придётся надеяться только на собственные силы.

Как бы то ни было, стоило бы поучиться на чужих ошибках и вооружиться полезным опытом предшественников. Несомненно, освободить цены придётся, но делать это (чтобы предотвратить мощнейший социальный взрыв) следует только постепенно, поэтапно, как в Чехословакии или послевоенной Германии, в Китае. Попытка перейти к рынку безрассудными методами, броситься в воду, не зная броду, способна обернуться для простых людей истинной “пыткой рынком”, и тогда последствия могут быть поистине катастрофическими. В таком случае вина её инициаторов будет безмерной.

ГОЛГОФА РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА *(“Нива России”, февраль 1993)*

Когда я слышу лозунг: “Землю – крестьянам!”, то прежде всего обращаю внимание на то, кто его выдвигает, и пытаюсь осмыслить, зачем лично ему это надо. Не перестаю удивляться, что за частную собственность на землю едва ли не больше всех ратуют активисты “Демроссии”. Характерно, что большая часть собранных ими подписей в поддержку референдума о праве частной собственности на землю принадлежит жителям Москвы и Санкт-Петербурга, а не тем, кто на земле работает. Демократы во все времена были революционерами, эволюционный путь для них в принципе неприемлем. Уже неоднократно они ввергали Россию в бездну потрясений, а потому верить словам “радетелей за народ” надо с большой осторожностью. Это они организовали в 17-м революцию, а в 91-м завершили “перестройку”. Это демократы сорвали земельную реформу П.А. Столыпина, это им в лицо бросил реформатор свои пророческие слова: “Вам нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!” Кто из нынешних реформаторов способен на подобное в отношении своих оппонентов?

Для “команды Гайдара” вопрос о земле был не только второстепенным, но вовсе заслонённым проблемами сугубо экономическими. Для П. Столыпина политическая реформа неотделима от экономической, вопрос же о земле – не только экономический, но и прежде всего политический. Поэтому Столыпин понимал всю степень риска и готов был на самопожертвование. Когда вскрыли его завещание, прочли: “Я хочу быть погребённым там, где меня убьют”. Столыпин рисковал своей жизнью и жизнью членов своей семьи. Е. Гайдар же лично ничем не рисковал. Столыпин воплощал в жизнь идею, которую выстрадал; Гайдар был способным исполнителем чужой воли, став поистине находкой для организаторов перестройки России по западному образцу. Только вот с Россией и на этот раз советоваться не стали и воли её не учли. Так же, как и в вопросе о земле, не заинтересовались даже его историей. А ведь берущийся победить болезнь должен прежде всего заинтересоваться её историей, чтобы верно поставить диагноз.

Е. Гайдар либерализовал не столько цены, сколько хамство, разгул которого мы сегодня пожинаем. На свободу выпущены и человеческие достоинства, и пороки. Пока первые будут считаться ценностями второго сорта, а вторые править бал, нищета побеждена не будет. **Наша экономическая нищета – от порабощения нашего духа и пороков русского характера.** Именно поэтому все подлинные российские патриоты были так беспощадно самокритичны. Ведь всё нелестное, что ими говорилось о русских и России, они прежде всего относили к себе. Когда читаешь Чаадаева, Грибоедова, Гоголя, Достоевского, Солженицына, не покидает ощущение, будто душа человеческая наружу выворачивалась во время создания их произведений, а сами они незримо присутствуют и убеждают тебя в своей правоте.

Вопрос о земле имеет не только экономические и политические, но и сугубо исторические корни. Все ныне процветающие страны были сначала аграрными, потом аграрно-индустриальными, индустриальными, наконец, стали постиндустриальными. Это сугубо производственно-технологическая классификация уровня развития общества. Так же, как нельзя построить дом без фундамента, невозможно никакое производство в стране, где нечего есть.

Нужно либо производить продовольствие у себя, либо покупать за границей. Покупают только то, что купить дешевле, чем самим произвести. Таких дураков, которые довели Россию до того, что она завозит сельхозпродукты в обмен на невозполнимые природные богатства, поискать надо. Это о них можно сказать: “Дурак-то он дурак, да мух не ест”. А потому не дураки они, а преступники. И живём мы с вами в преступном мире. Прав был Талейран: “Никто не устраивает революцию и никто в ней не повинен. Виноваты все”. Н. Бердяев же писал, что если растёт страдание, то это сигнал о преступлении. Так что, когда людей уговаривают потерпеть и пострадать, а в это время идёт откровенный грабёж страны, обнищание населения, падает рождаемость, растёт смертность и “процесс, который пошёл”, называется реформой, то я отказываюсь понимать, что же тогда называется преступлением. Кстати, тот же Талейран говорил: “Ошибка в политике – больше, чем ошибка. Это преступление”.

Министр иностранных дел царской России А.П. Извольский подал в 1906 году Николаю II записку об опасности положения и деятельности тогдашних демократов. В ней, в частности, говорилось: “Ничего так не умеряет радикализм, как ответственность, связанная с властью...” Интересно, какие записки Б. Ельцину подаёт А. Козырев? Николай II пошёл по пути полумер, в конце концов погубивших и его, и Столыпина, и страну. Б. Ельцин вывел из-под удара Е. Гайдара. Но кто выведет из-под удара самого Б. Ельцина? А то, что рука для этого удара уже занесена и Б. Ельцина может постичь судьба М. Горбачева, а Россию – судьба Союза, могут сомневаться разве что политические профаны. Так что: опять по пути революции? Ведь реформа П. Столыпина была принципиально эволюционной. Политическим крикунам и демагогам в ней не было места. Столыпину для осуществления замысла нужно было 20 лет. Революционеры дали ему пять лет и две пули, одна из которых оказалась смертельной. Вот такой это вопрос – о земле.

Рынка земли в России практически никогда не было, если не считать его зарождения в конце прошлого века и того, что успел сделать П. Столыпин. Декабристы готовили России дворянскую республику с освобождением крестьян без земли. “Манифест 19 февраля 1861 года” отменил крепостное право, но земля осталась у помещиков. Конечной целью реформы было создание не частной, а общинной земельной собственности крестьян. Лишь к концу прошлого столетия начался распад крестьянской общины, на незыблемость которой до Столыпина замахнулся Витте.

К началу столыпинской реформы Россия насчитывала 12 миллионов крестьянских дворов. Из них 4 миллиона дворов уже владело землёй на праве частной собственности, а остальные числились в общинном владении. За 20 лет перевод земли в частную собственность был бы закончен. И только смерть Столыпина и революция остановили этот процесс. К 1916 году уже большая часть крестьянских дворов владела землей на правах частной собственности. К середине 20-х годов вопрос о частной собственности на землю в России был бы решен. Но в октябре 17-го был принят Декрет о земле, а в феврале 18-го – Декрет о национализации (социализации) земли. С тех пор земля выведена из системы рыночных отношений, т.е. из отношений купли-продажи по рыночным ценам. Она стала общественной и колхозной, то есть ничьей. Ею спекулируют, но не торгуют.

П. Столыпин просил 20 лет покоя на свою реформу, потому что он знал о степени готовности России к восприятию частной формы собственности на землю. Нынешняя готовность России к введению купли-продажи земли едва ли не ниже. Слишком много было экспериментов за 70 лет варварского обращения с землёй и людьми. У многих просто отбита тяга к земле.

Нельзя забывать, что вопрос о земле в России имеет тяжелейшее историческое наследие. Мой прадед, бывший крепостной, купил землю в конце прошлого века. Дед, хозяйство которого славилось льном и добрыми лошадьми, в 30-м году был раскулачен, сослан и в ссылке умер. Никто и не подумал о поимённой реабилитации таких, как он. Отец не вернулся с фронта. Если бы не сад и огород, не выжить бы нам с матерью. Держали козу, поросят, кур. С 9 лет я узнал, что такое торговля на рынке плодами собственного труда. Может, поэтому и стал убежденным рыночником лет за 15 до начала перестройки, за что и получил “своё” от тех, кто сегодня призывает побыстрее “вступить в рынок”. Но вступить можно, разве что, в навозную кучу или какую-нибудь партию. Впрочем, аналогия между рынком, партией и навозом есть: и то, и другое, и третье – средства, не цели, не предметы потребления, а инструменты удовлетворения потребностей. Многие наши горе-рыночники перепутали средство с целью, а может просто, оказались неразборчивыми в средствах для достижения личных целей. Теперь говорят, что на переправе коней не меняют, будто переход к рынку – не путь со множеством препятствий, включая и переправы, а всего одна-единственная переправа с “партбюрократического” на “демократический” берег. Да наоборот: чтобы одолеть этот путь, нужно “коней” менять своевременно, ибо ленивый, усталый или старый конь не только мелко пашет, но и тянет слабо.

Двигаться к полноценному, цивилизованному, если он вообще нужен, рынку земли, а следовательно, и к рынку как таковому придётся лет 15-20. Это совсем не означает, что нужны потрясения, резкий спад производства и обнищание основной массы населения. Если, конечно, потрясения, то и спад и обнищание неизбежны. Но потрясения нужны только для накопления первоначального капитала путем ловли рыбы в мутной воде. Недаром Дж. Сорос, наш американский друг и щедрый спонсор, пишет о ситуации в России следующее: “Частному предпринимательству, тому, что всё же появилось, оказалось гораздо проще и выгоднее эксплуатировать аномалии системы, чем наращивать производство”. А зачем? Наши “деловые люди” сплошь и рядом делают деньги, не занимаясь никаким делом. Вкладывать деньги в дело большинство из них не умеет и не хочет. Но все знают, что вложивший деньги в землю (конечно, не на “поле чудес”) никогда не прогадывает. Поэтому людей с деньгами тоже можно понять, если мы идём к рынку и уважению частной собственности, присущей человеку как его собственное тело и дающей самостоятельность. Рынок земли нужен потому, что 1) без него, как утверждают некоторые, нет рынка вообще; 2) для появления имущества, покупка которого гарантирует защиту вложенных денег от инфляции; 3) без него нет надежды на усиление притока частных инвестиций из-за рубежа; 4) нет надежды на решение продовольственной проблемы на уровне цивилизованных стран. Всё верно, кроме первого: есть примеры рыночной экономики с весьма ограниченной куплей-продажей земли.

Нынешнему поколению демократов, как бы они ни старались, Россию не привести ни к преобладанию частной собственности на землю, ни к рынку земли, свободному от целого ряда существенных ограничений. Если они попытаются ускорить этот процесс, то приведут Россию к анархии, голоду и гражданской войне. Начать нужно с частного владения, передачи земли в собственность, что и имеет место в настоящее время. И, конечно же, с создания условий для развития фермерства. Когда по истечении предусмотренного законодательством десятилетнего срока земля перейдёт в частную собственность владельца и только после этого станет предметом свободной купли-продажи, уже будет опыт работы Земельного Фонда и Земельного Банка, рынок насытится сельхозтехникой и стройматериалами, сложится система денежного обращения и ценообразования, возродится хозяйское отношение к земле и соответствующий слой землевладельцев, способных сохранять и приумножать плодородие земли, а следовательно, и продуктивно её использовать.

Почему нельзя торопить процесс не приватизации земли путём передачи в собственность, а превращения её в товар? И. Ильин предупреждал, что глупо глотать все лекарства, полезные другим... Что “немцу здорово”, то русского может погубить. У России свой путь, с чем никак не могут согласиться нынешние реформаторы. Нигде в мире вопрос о земле не складывался так, как у нас, нигде он так не запутан социализацией земли, нигде крестьян дважды не превращали в крепостных, да и собственно рыночные отношения мало у кого развиты так слабо, как у нас.

Несколько столетий Россия ищет свой путь, а её насилуют западные реформаторы: сначала немцы, потом французы, теперь вот англо-американцы. Мы ведь единственный в мире народ, который для формирования своего государства пригласил чужеземцев-варягов! С тех пор “страна наша богата, порядка только нет”. Кто только не консультирует сегодня наших демократов: и американцы, и японцы, и поляки, и все, кому не лень. Вы можете себе представить, чтобы такое обилие консультантов вертелось вокруг Столыпина, Витте или Сперанского? Да хотя бы вокруг Вознесенского или Косыгина?

Вот уже более 200 лет вынашивается и зреет “русская идея”. Она-то и была положена в основу столыпинской реформы. Мы в тупике. А из тупика один выход: сначала назад, а затем выбор верного пути. Впрочем, выбора-то нет. Пора прислушаться к рекомендациям древних мудрецов: “Познай себя” и “Ничего слишком”.

У России свой характер, сложившийся исторически, а характер – это судьба. Нам чужой судьбы не надо. Только бы не мешали идти своей дорогой. Эта дорога верная, и всегда, когда Россия вставала на неё, ей сопутствовал успех. А потому не надо гнать лошадей с куплей-продажей земли. Надо сначала вернуть земле нашу любовь и заботу, обрести культуру земледелия, создать основы правовой защиты земли и только потом пускать её в торговый оборот.

И последнее: референдум по земельному вопросу запутает его ещё больше. Хватит дурачить себя и смешить мир референдумами. Истина и справедливость по глобальным вопросам никогда не устанавливалась большинством голосов. Кстати, отменяя крепостное право, Александр II принял резолюцию меньшинства. Хватит того, что большинством голосов казнили Сократа, распяли Христа, отправили на расстрел “врагов народа” в 37-м, освистали А. Сахарова на 1-м Съезде народных депутатов и фактически ликвидировали Союз на 5-м. Нужно ввести реформу в режим эволюции. Если этого не сделать, то нас ждут либо диктатура, что ещё не самое худшее, либо сначала анархия, а потом диктатура, что значительно хуже. Вот тогда небо с овчинку покажется. И уже не будет вопросов ни о земле, ни о рынке. Многих вообще перестанут волновать какие-либо вопросы.

А выход тем не менее есть, и он единственный. Нам нужно осознать, откуда мы пришли, кто мы, и тогда станет ясным, куда, как, кому и с кем идти дальше. **И строить, чтобы можно было достойно жить, а не жить, чтобы неизвестно что строить.**

В КАКОМ ДОМЕ НАМ ЖИТЬ **(“Народный депутат”, № 3, 1993)**

Мы стоим перед необходимостью установить в нашем обществе новую иерархию. Существуют 2 крайние иерархические структуры – *аристократическая* и *охлократическая*. Охлократия – власть толпы, власть восставшего народа, не способного вследствие неорганизованности удержать её.

Как отмечал Н. Бердяев, там, где начинался процесс разложения, рушилась вера и вспыхивал пожар революций, вместо аристократической

иерархии образовалась охлократическая иерархия. И господство охлоса создавало своё избранное меньшинство, свой подбор лучших и сильнейших в хамстве, князей и магнатов хамского царства. Причину этого Н. Бердяев видел в том, что сверху не излучался свет, и потому прорывалась тьма снизу. Мысль выражена образно, логично и верно. Трудно лучше объяснить причину трагедии России. Начало её лежит в прошлом веке, а конца в пределах текущего столетия не видно. Но будущее, несомненно, за аристократической идеей. Суть её четко выразил всё тот же Н. Бердяев: “Аристократическая идея требует реального господства лучших, демократия – формального господства всех. С сотворения мира всегда правило, правит и будет править меньшинство, а не большинство. И... демократические попытки создать царство большинства, в сущности, являются жалким самообманом. Вопрос лишь в том, правит ли меньшинство лучшее или худшее”.

Все западные демократии при ближайшем рассмотрении – это иерархия аристократического образца. В таких странах “любители” не заседают в парламентах, Вот когда наши парламентарии достигнут уровня западных парламентариев, тогда и наша цивилизация приблизится к уровню западной.

Но для этого надо не бояться на первых порах менять состав парламента чаще чем раз в 5 лет. Возможно, что Съезд следует сохранить как раз в качестве резерва для обновления парламента, заодно отработав механизм отзыва несостоятельных депутатов и замены их новыми. (В этом случае съезд стал бы аналогом Земского Собора.)

В любом случае надо отказаться от попыток решить судьбу высших органов госвласти путем референдумов. В нашей ситуации опасно делать любые резкие шаги. Если ты попал в болото, не делай резких движений, иначе тебя затянет ещё больше. Надо осмотреться и начинать из этой трясины выбираться. Осознать всю опасность ситуации и сказать: да, положение критическое, и поэтому Съезд мы сохраняем. Он мог бы собираться один или два раза в год. На неделю, не больше. Не для дебатов, а для того, чтобы принять отчёт. Таким образом, за Съездом остаётся контрольная функция. Законодательным же органом является только Верховный Совет. Что же касается парламента, то он не должен быть большой говорильней. Он должен быть работающим органом, состоящим из профессионалов.

Исключительно тщательному отбору должны подвергаться руководители государства всегда, а в ответственные периоды истории – особенно.

Этого, к сожалению, нет. Действующий механизм отбора слишком несовершенен и ничем принципиально не отличается от кадровой политики партии. В этом – одна из главных грозящих обществу опасностей. Есть здесь и объективная причина: кадровый резерв для работы в новых условиях только еще формируется путем естественного отбора.

В результате того, что страной руководили и продолжают руководить люди, не получившие соответствующей спецподготовки, политика становится всё более и более ошибочной. Это проявляется прежде всего в ошибочности постановки целей. Достаточно вспомнить хотя бы недавнее: “Наша цель –

коммунизм”. А на деле – пойдти туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. Нынешние цели не лучше. В экономике – это рынок, в политике – демократия. И то, и другое в лучшем случае – средства, но не цели. Впрочем, средства и цели путались всеми поколениями отечественных руководителей. Там, где путают своё и чужое, всегда будут путать цель со средством.

Тем более важно свести к минимуму ошибки при формировании составов правительств, которые отныне становятся коалиционными не только по партийному признаку, но и по сословному. И никуда нам от этого не деться.

Такова природа мира, в котором жили до нас, живем мы и будут жить после нас.

Войны “горячие” и “холодные”

Войны бывают “горячими” и “холодными”. Последние и есть политика. Когда её агрессивность достигает определённого предела, “холодная” война переходит в “горячую” в полном соответствии с диалектическим законом о переходе количества в качество. То же происходит с революциями, порождающими гражданские войны. Только гражданская война – это самая грязная из всех видов войн. Гражданские войны ведут уже не люди, а дикари. Причина гражданских войн – грязная политика, построенная на натравливании людей друг на друга. Так было всегда, и так есть сегодня.

Исчезла ли угроза крупномасштабного военного конфликта в мире с объявлением об окончании “холодной” войны? Погашены ли все очаги? Напротив, их становится всё больше, и горят они всё ярче. То, что мир последние годы стал более прочным, могут утверждать либо слепцы и безумцы, либо политические авантюристы и шарлатаны. Ближний Восток Балканы, Закавказье...

До сих пор Россия вразумляла главным образом охотников до “горячих” войн. Теперь она может преподнести “сюрприз” и урок охотникам до опасных политических игр. Создаётся впечатление, что ни отечественные, ни зарубежные политики не ожидают серьёзных осложнений. А напрасно. Отдают ли последние отчет, куда сунулись, преждевременно торжествуя победу в “холодной” войне? Это, безусловно, пиррова победа...

В чьих руках слово?

Но ранить, убить или пленить человека можно и словом, ибо самым современным и вместе с тем древнейшим оружием является оружие информационное. Политика “с позиции силы” рассчитана на запугивание противника, сковывание его страхом. Но поскольку прямое применение силы становится всё более опасным и бессмысленным, активная роль постепенно начинает переходить к политике “с позиции хитрости и коварства”. Ведь политика – это война, ведущаяся в том числе и информационным оружием.

Что такое информационное поле? Это поле духа и разума. Кто владеет информацией, фактически властвует над умами и душами людей.

Я давно высказал мысль о том, что на самом деле СМИ являются не четвертой, а первой властью. Но теперь хочу уточнить: не сами СМИ являются

первой властью, они лишь средство первой власти. Вот те, кто пользуется этим средством, те и властвуют.

Следовательно, всё зависит от того, в чьих они руках. Если СМИ в чистых руках – войны не будет, будет мир. Там, где они в руках мафии, – будет литься кровь. Я берусь утверждать: там, где льётся кровь, там Слово в руках мафии, а не Бога. Где есть Бог, там нет войны!

Чтобы властвовал народ, он должен владеть информацией. Поэтому ни в коем случае нельзя допускать сворачивания гласности. **Свобода слова** – одна из важнейших, если не самая главная, из всех свобод человека. Плутарх рассказывал, что командир флота Эврибиад в споре с Фемистоклом замахнулся на него палкой; однако Фемистокл не обнажил меча, а заметил: “Ударь меня, пожалуй, но выслушай”. Так ценилась свобода слова в древности.

Но без чести и совести свобода слова значит немного. Жить по чести и совести – это жить по правде и справедливости. Но все ли хотят и могут так жить? Вот тут-то и начинается самое трудное препятствие на пути к обновлению и оздоровлению общества.

Единство слова и дела

Духовный и деловой мир должны заключить союз между собой в целях обеспечения мира и согласия в обществе. Духовный мир олицетворяют представители науки, искусства и религии, к ним примыкают представители образования и здравоохранения. Деловой мир олицетворяют предприниматели и все другие участники экономической деятельности. Профессионально человек как личность может реализоваться в любой избранной им сфере деятельности, для чего он должен быть в первую очередь здоров, воспитан, образован и обучен. Это и достигается в духовном мире, готовящем для делового мира работника и получающем часть общественного продукта.

Западная цивилизация – общество относительно высокого согласия между духовным и деловым миром. Нужно и нам стремиться к такому и более высокому уровню согласия. Наша психология отличается от психологии западного человека. Мы не хуже и не лучше, мы просто другие. Поэтому копировать западный образ жизни бессмысленно и глупо. Насилие – дело опасное. А нас вновь хотят насильно осчастливить. В результате “демократы” оказываются не лучше “партократов”...

Единство законов не есть единство характеров, а значит, нет и не будет совпадения поведения разных людей в одинаковых условиях. Все страны и все народы объективно стремятся к одной и той же цели, но они стартуют из разных мест и разных временных поясов, будучи исторически рассредоточенными в пространстве и времени.

Не может быть сомнений в том, что западный мир в основном искренне заинтересован в успехе демократических преобразований в нашей стране. Многие убеждают в этом. Есть основания полагать, что представители различных культур и рас из разных концов планеты в следующем веке начнут отдавать предпочтение России с её необъятными и необжитыми просторами, богатейшими природными ресурсами и доброжелательным народом. Вот тут-

то “все флаги будут в гости к нам”. А потому мир действительно уже сегодня заинтересован в инвестировании своих капиталов в нашу экономику и экологию.

Для быстрого возрождения России нужно сейчас одно: политическая стабилизация. Тогда, и только тогда наступит экономическая стабилизация, заработают внутренние силы, начнется социально-экономический подъём.

От того, что бывшие союзные республики провозгласили себя государствами, чем формально всегда были по Конституции, они, по существу, таковыми не стали и ещё не скоро станут. До зрелого возраста им всем ещё предстоит пройти периоды младенчества детства и юности.

Что же можно сказать о будущем союзе новых государств, если ему суждено состояться? Государства Западной Европы 20 лет пытаются организовать новое жизненное пространство, уже сейчас именуемое Европейским домом или Объединенной Европой, в отличие от остальной части Европы, не вошедшей в это образование. Наш будущий союз можно было бы назвать Союзом Славянско-Тюркских Народов. Данное государство не отменит государственности стран, в него вошедших, но дополнит её, взяв на себя функции межгосударственной координации, обороны, единой финансовой политики. Потребность в интеграции, думается, осознаётся уже достаточно широко, чтобы начать этот процесс.

Ещё и ещё раз повторю: после ужаса размежевания придёт осознание взаимовыгодности объединения. После дифференциации наступает черед интеграции. И в первую очередь надо позаботиться о сохранении, теперь уже точнее говорить – о возрождении единого экономического пространства. Нужно принять экстраординарные меры в этом направлении. Иначе нас всех ждет экономическое, а вслед за ним и политическое, культурное, социальное средневековье.

Где вы, “собиратели” земли русской?

В 1992 году исполнилось 600 лет со дня смерти Сергия Радонежского и 200 лет со дня смерти Д.И. Фонвизина. О Сергии Радонежском всё больше вспоминаем как о печальнике земли Русской, хотя он был не только и не столько созерцатель, сколько делатель. Он не был проповедником. Ни он, ни его ученики не странствовали по Руси с пламенной речью.

50 лет Сергей провёл в глубине лесов, уча не миссионерством, а “тихим деланием”. Работая не только наравне со всеми, но и более всех, он проповедовал культ труда, порядка, дисциплины. Он был первым, кто, говоря современным языком, увидел преимущества коллективной формы собственности и ввёл в монастыре общежитие. По тем временам это был шаг поистине революционный. А что мы знаем об этом?..

Причина бед во многом заключена и в том, что за 600 лет после смерти Сергия Радонежского и за 200 лет после смерти Д.И. Фонвизина психологически мало что изменилось в нашем Отечестве. Чтобы убедиться, достаточно перечитать “Бригадира” или “Недоросля”.

Недаром убивалась госпожа Простакова: “Одна моя забота, одна моя отрада – Митрофанушка. Мой век проходит. Его готовлю в люди”. Как посмотришь кругом, так и видишь: изрядно с тех пор Митрофанушек расплодилось и “в люди вышло”.

И по сей день остаются актуальными впечатления Д.И. Фонвизина от одной из его заграничных поездок: “Я увидел, что во всякой земле худого гораздо больше, нежели доброго; что люди везде люди; что умные люди везде редки; что дураков везде изобильно, и, словом, что наша нация не хуже некоторой, и что мы дома можем наслаждаться истинным счастьем, за которым нет нужды шататься в чужих краях”.

А помехой в России всегда были плохие дороги и дураки. Так что дело за малым: начать и кончить.

ПАРАДОКСЫ ГОРБАЧЕВА (“*Нива России*”, март 1993)

Моя версия случившегося с нами в принципе отличается от других тем, что я не допускаю фатальности случая. Случайность для меня – это непознанная закономерность. И дело автора, и может быть, его способность, талант в том, чтобы показать явления так, как он их видел. А потому совсем не стремление порассуждать о Горбачеве в стиле, например, книги Б.Н. Олейника “Князь тьмы”, оправдаться перед избирателями за неполное выполнение взятых на себя обязательств или высказать обиду за то, что оказался не у дел, подобно многим бывшим союзным депутатам, но желание поделиться соображениями о том, как следовало бы выходить из состояния очередной Российской смуты, побудило меня подготовить к печати настоящие “Записки”. Скажу сразу: я никогда не был ни с “левыми”, ни с “правыми”, ни с демократами, ни с партократами, ни с материалистами, ни с идеалистами, т.к. мне не по душе никакие крайности. Я убежденный *центрист*. Был, есть и всегда им останусь. Компромисс допускаю, но как уступку для устранения препятствий на пути к цели, а не как отказ от убеждений. Меняют их только те, кто их не имеет, ибо убеждения, как считал Н. Бердяев, – это вершина Веры.

Два раза в жизни мне довелось пристально посмотреть Горбачеву в глаза. Сначала – на 4-м Съезде народных депутатов в декабре 1990 г. Надо было во что бы то ни стало получить слово. “Добрые люди” дали совет. Я перехватил Горбачева, покидавшего президиум, и быстро, пристально глядя в глаза, как и было рекомендовано, произнёс заранее подготовленный текст. В частности, сказал, что, независимо от того, что случится с ним в дальнейшем, всегда буду считать его великим человеком. На следующий день получил слово, чтобы сказать, что знаю о существовании заговора, во главе которого стоит гениальный злодей. Для М. Горбачева это было полной неожиданностью. Но я ни в чём не обманул и мнение о нём, как о великом человеке, не изменю никогда. Велик же он тем, что след свой оставил и запомнится навсегда. Какой след и чем запомнится – другое дело.

Выступая на 5-м Съезде народных депутатов СССР в августе 1991, я коснулся личности М. Горбачева. В перерыве подошёл к нему и попросил

двухминутной аудиенции. Он сказал примерно следующее: “Зачем? Я был о тебе другого мнения. Жаль, что ошибся. О чем теперь говорить? Ты же меня уже под суд отдал...” На что я ответил: “Ещё нет...” И снова, как и в первый раз, я специально пристально смотрел ему в глаза. Кажется, уже тогда до меня многое стало доходить. Но сейчас я, конечно же, не считаю свою точку зрения истиной в первой инстанции.

Противоречивость характера М. Горбачева ни для кого не составляет секрета, но мало кто задумывался о её причинах. А ведь, возможно, здесь ключ к разгадке феномена Горбачева. Создатель советско-американского фонда “Культурная инициатива” Джордж Сорос писал о М. Горбачеве в 1990: “Отдавал ли он себе отчёт в том, что делает? До какой степени результаты соответствуют его ожиданиям?.. Возможно, мы никогда не узнаем истины... В случае с М. Горбачевым ситуация осложняется тем фактом, что он не свободен открыто сказать, что он действительно думает... Например, совсем недавно он заявил, что является убеждённым коммунистом. Это заявление – факт. Что оно означает? Можно только гадать”. А что означают другие факты?

Если благими намерениями можно вымостить дорогу в ад, то М. Горбачев блестяще продемонстрировал, как это делается. Я далёк от мысли бросать камень вслед уходящему. Сделанного М. Горбачевым никто и ничто умалить не может. Но... Противоречивость М. Горбачева под стать сделанному им. Добро и Зло сожительствуют в нём, как, впрочем, и в любом из нас.

М. Горбачев много хотел, но мало смог, возможно, по независимым от него причинам. У него оказался сравнительно низкий “потолок”, в который он уперся, думаю, уже к 1988 году, если не раньше. Но не уходил.

И не потому, что не было замены. Всё значительно сложнее. Чтобы не быть голословным, скажу об одном из его парадоксов.

Считается, что благодаря усилиям М. Горбачева мир стал более стабильным, а человечество обрело спокойствие, т.к. отодвинута угроза ядерной катастрофы. Но вместо прежних очагов конфликта и в дополнение к ним появились новые – Югославия, Кавказ, Таджикистан, Ирак. Распад СССР чреват такими “сюрпризами”, что конфликты при первых шагах образования СНГ – это только “цветочки”. М. Горбачев как опытный политик, обладающий аналитическим умом, видел возможные осложнения, и поэтому его уход в декабре 1991 выглядел как начало возвращения.

А потому ещё об одном парадоксе Горбачева.

В американском телефильме “Как уходил Горбачев”, показанном 26 декабря 1991, Михаил Сергеевич рассказывает притчу, как бы подводящую итог его собственных размышлений о судьбе человека, предназначение которого он видит (дословно) в том, что “человек рождается, *страдает* (курсив мой – А.Ж.) и умирает”. Для миллионов людей горбачевская перестройка превратила жизнь в страдание. Если это было его целью, то он своего достиг, оказавшись у развалин дома, который взялся перестраивать. Поистине, его ждёт слава Герострата. Это не оговорка: М. Горбачев не мог знать о возможных последствиях инициированного им процесса, предоставления свободы действий своим явным противникам. А, может,

тайным соратникам? Говорят, понять – это простить. Думаю, нужно постараться понять Горбачева, если нет оснований для привлечения к ответственности, простить его и отпустить с миром и покаянием.

Как бы мы ни относились к попытке возбудить уголовное дело против М. Горбачева, предпринятой прокурором Илюхиным, который усмотрел в действиях президента опасность для государства, факт остаётся фактом: опровергать доводы прокурора не стали, его просто уволили, но не привлекли к уголовной ответственности за клевету на президента, как это было в случае с Новодворской, назвавшей М. Горбачева фашистом. Но Илюхин далеко не первый, кто назвал М. Горбачева предателем. На 5-й сессии Верховного Совета СССР в 1991 это сделал депутат Игитян. И М. Горбачев молча выслушал его выступление.

Верно сказано: “Не судите, да не судимы будете!” Я не судья Горбачеву. Бог ему судья. И народ, на верность которому он присягал. Но невольно создаётся впечатление, что и Илюхин, и Игитян, и многие другие, разделяющие их мнение, в чём-то правы. Бесспорно одно: Горбачев – продукт эпохи. С ним хитрили, и он хитрил. Его так же нравственно калечили, как и остальных. А если учесть среду, в которой он жил, то остаётся только догадываться, через что ему пришлось пройти.

Самая большая ошибка М. Горбачева состоит в том, что он не умел ценить людей. О том, что он не разбирается в людях, говорилось не раз. Но как равнодушно он обходился с самыми преданными и верными! Думаю, об этой стороне личности М. Горбачева нам ещё предстоит узнать. Но пока же беру на себя смелость утверждать, что на внимание и заботу к тем, с кем он работал, и кто, собственно говоря, делал из него то, что потом видел весь мир, М. Горбачев щедр не был. Я, конечно, не имею в виду “особ, приближённых к императору”, если таковые были. Речь идёт о десятках, сотнях и тысячах рядовых работников аппарата, о тех “винтиках”, без которых не работает вся государственная машина. В канун 92-го года многих из них буквально вышвырнули на улицу.

М. Горбачев для многих был видимостью президента: он был, но его как бы и не было. Призванный властвовать и служить, он толком не делал ни того, ни другого; чувство обязанности и ответственности было как бы чуждым ему вовсе. Отречение Николая II обернулось для России и монарха трагедией. Разыгранный М. Горбачевым фарс отречения от президентства оборачивается новой трагедией для России, грозя ей дальнейшим расчленением и распадом, а с него как с гуся вода! Возможно, ему не известно мнение русского философа Ивана Ильина о том, что “надо различать естественный политический успех и мнимый... Истинный успех есть публичный успех и расцвет народной жизни. И если кто-нибудь удовлетворяется устройством своей личной карьеры и пренебрегает благополучием народа и расцветом его национальной жизни, то он является предателем своего народа и государственным преступником”.

Судя по всему, М. Горбачев попытается вернуться. (И точно! Пытается!) Но если моя характеристика верна, то вряд ли это принесёт облегчение СНГ. Другое дело, если он окажется способным на покаяние. Честно говоря, верится

в это с большим трудом. Такой шаг потребует не только невероятного мужества, но и наличия продуманной программы действий.

Тяжелое наследство оставил М. Горбачев. На мой взгляд, ещё более тяжелое, чем получил сам. А потому, в самую пору осмотреться, чтобы не наломать дров. Это ведь Горбачев был “разрушителем”. Теперь пришло время “созидателей”. А для созидания нужен порядок. Каким быть ему – вот вопрос. Об этом в следующих заметках.

МЕЖДУ МОЛОТОМ И НАКОВАЛЬНЕЙ *(“Нива России”, март 1993)*

Если угроза гражданской войны действительно реальна, а не просто пугают нас ею иные политики, то пора бы уяснить, что угроза насильственной смерти реальна не только для каждого из нас, но и для наших детей и внуков. События развиваются так, что мы, сами того не желая, стремительно приближаемся к роковой черте. Всё пока ещё в наших руках, во власти нашей воли. Но песок стремительно тает в чаше отпущенного нам времени. А мы, как безумцы, продолжаем испытывать Судьбу на прочность. Однако запас прочности даже у металла имеет предел. Так не пора ли остановиться? Не пора ли задуматься над тем, что происходит, жертвами столкновения каких сил и чьего честолюбия и властолюбия мы уже оказались и можем оказаться в ближайшем будущем?

Считаю, что знание, которым я располагаю, может всем нам оказаться полезным при поиске выхода из тупика, в котором мы оказались. Именно из тупика, а не из кризиса. Последний нужно миновать, а из тупика есть один выход: сначала назад, а затем выбор иного, чем раньше, пути развития. Но прежде, чем рваться в неизвестное будущее, надо подумать о том, как вернуть вечное, светлое, доброе, что уже было добыто в прошлом, а потом по недомыслию утрачено или растрчено. Я имею в виду и народные традиции, и навыки, и культуру, и понятия о чести и достоинстве, и многое другое.

Страна в ожидании. Чему быть, того не миновать. Вот только: чему быть и как скоро? Многое уже, похоже, достаточно прояснилось. Так, маловероятно сохранение бывшего Союза как государства, поскольку государствами желают быть не только бывшие союзные, но и многие автономные республики. Государство же (по сути своей) не может содержать внутри себя другие государства, если те не желают ограничивать своего суверенитета и делиться им с госструктурами центра. В результате СНГ – не государство, а что-то вроде политического клуба для встреч бывших соратников по партии.

Говорят, что мина замедленного действия, заложенная в основании нашего бывшего государства, состоит в провозглашении права наций на самоопределение. Лично я разделяю эту точку зрения, но считаю, что эта “мина” не единственная. Есть, по крайней мере, ещё одна. Это положение о том, что союзные республики были суверенными государствами согласно всем Конституциям СССР. Благодаря этим двум “минам” наша страна как единое государство была обречена на потрясение с момента своего образования. Итак, каждый народ вправе стремиться к самоопределению, что с юридической

точки зрения возможно путем создания соответствующего суверенного государства. Но сколько таких государств может возникнуть на бывшей территории СССР? Ведь права всех без исключения народов равны, и каждый из них имеет свою историческую родину. Практические же возможности образования новых суверенных государств весьма ограничены, прежде всего взаимными территориальными претензиями народов друг к другу. Пример Кавказа хорошо это иллюстрирует.

Таким образом идея национального самоопределения путём образования соответствующих суверенных государств обнаруживает свою абсурдность сразу же, как только дело доходит до её практической применимости. Не всякий народ может осуществить эту идею, существенно не ущемив права другого народа. Если же он не будет считаться с реальностью, возникнет конфликт. Сначала будут митинги, потом акты гражданского неповиновения, и наконец, возникнет очаг гражданской войны. Примерно по этой схеме уже развиваются события в отдельных регионах нашей страны. Война на Кавказе – это к тому же ещё и война представителей двух миров: христианского и мусульманского. То, что религиозный мотив пока звучит слабо, не должно вводить в заблуждение. Если эту войну не остановить, она станет ещё одним локальным очагом пожара III-й мировой войны.

Но что же всё-таки будет с Союзом? Прогнозы – вещь неблагодарная, но без них невозможно управление переходом из сегодняшнего в завтрашний день. Прежде, чем отвечать на этот вопрос, следует ответить на вопрос о том, сохранится ли Союз вообще в каком бы то ни было виде. Я исхожу из утвердительного ответа, т.к. противоположное считаю маловероятным. (Похоже, и здесь мой прогноз подтверждается: РФ, Беларусь, Казахстан и Киргизия уже сделали шаг навстречу друг другу.)

На сегодняшний день (прошу обратить внимание, что это написано более 6 лет тому назад) есть 2 принципиально близких ответа на этот вопрос. 1) Союз должен быть федеративным государством. 2) Союз должен быть конфедеративным государством. Наиболее ярким представителем первого является А.И. Лукьянов, второго – М.С. Горбачев. Как видите, различия между ними вроде бы нет никакой. Оба за то, чтобы Союз сохранился как государство. Только второй кажется чуть демократичнее первого. Но если разница не столь велика, то почему первый находится под следствием, а второй нет? Разница между А.И. Лукьяновым и М.С. Горбачевым, конечно же, есть. Но она невероятно трудно уловима. Во многом они, безусловно, единомышленники. И потому оба выпускника юрфака МГУ им. М.В. Ломоносова ответили на вопрос “Каким быть Союзу?” одинаково ошибочно. Но ошибку А.И. Лукьянова можно понять и потому простить. Она связана с результатами Всесоюзного референдума 17 марта 1990 и рядом решений съезда народных депутатов. Люди высказывались за Союз как федеративное государство. Однако с тех пор ситуация резко изменилась. Процесс распада Союза на отдельные государства стал реальностью, не считаться с которой уже нельзя. В этой ситуации пытаться подписать Союзный договор, согласно которому обновленный Союз должен стать конфедеративным государством – было

больше, чем ошибкой. Почему же и ответ А.И. Лукьянова и ответ М.С. Горбачева на вопрос “Каким быть Союзу?” ошибочен? Потому что будущий Союз уже не сможет быть ни федеративным, ни конфедеративным государством. Этого не допускают амбиции новых суверенных государств, на которые распался Союз. Он будет всего лишь их объединением. Но объединение государств – это уже, в общепринятом понимании, не государство, а общественная система качественно нового типа. Фактически на территории нашей страны начался процесс, зародившийся в Европе и появившийся в строительстве Европейского дома. Какой дом мы построим и какие государства в него войдут, сейчас в деталях сказать еще трудно. Да это и не главное. Важно не то, где мы сейчас находимся, а то, куда мы движемся. А движемся мы к качественно новому общественному устройству, в котором на 1-е место должен выйти приоритет, а следовательно, и суверенитет личности. Переход же в это новое качество возможен либо эволюционным, либо революционным путями. Революционный путь наша страна уже испытала. А потому пора действовать с оглядкой на собственное прошлое, руководствуясь опытом других стран и народов.

Страна в ожидании. В том числе и суда над ГКЧПистами, несколько особняком от которых стоит А. Лукьянов. Нельзя ответить на вопрос: “Кто такой А. Лукьянов?”, не ответив на вопрос: “Кто такой М. Горбачев?”. Только суд над Горбачевым позволит верно определиться суду над Лукьяновым. Возможно, это сможет сделать только суд истории.

Вспоминается моё первое выступление на 1-м съезде народных депутатов СССР. В ночь после этого выступления не утихал телефон в моём гостиничном номере. Звонили возмущённые избиратели. Меня завалили телеграммами, отрекаясь от меня как от вероотступника. А вся причина в том, что я выступил в поддержку кандидатуры А. Лукьянова на пост зампреда Верховного Совета СССР потому, что поддерживал М. Горбачева. Последний настаивал на кандидатуре А. Лукьянова, и я считал необходимым согласиться с ним.

Второй раз меня сильно “заискрило” между А. Лукьяновым и М. Горбачевым на 4-м съезде народных депутатов СССР. Тогда я в своём сбивчивом выступлении заявил, что знаю о существовании заговора против нашей страны и что во главе этого заговора стоит гениальный злодей. Непосредственно спровоцировал меня на это выступление Э.А. Шеварднадзе. В кулуарах съезда многие задавали мне вопрос, кого я имел в виду под гениальным злодеем: Горбачева или Лукьянова?

Выступал я 22 декабря, в субботу, а 23 декабря, в воскресенье, состоялась моя встреча с А.И. Лукьяновым. Мы беседовали около 40 минут. Пока рано говорить, о чём была та беседа, да и без согласия собеседника не стану предавать её огласке. Потом мы тоже встречались с глазу на глаз. Последний раз – за день или два до его ареста.

Все, кто наблюдал меня в декабре 90-го, не без оснований утверждают, что я был в состоянии крайнего возбуждения. Было от чего. То, что приоткрылось мне тогда, в состоянии вывести практически любого из состояния душевного равновесия. Сценарий развала страны в общих чертах для

меня уже был ясен. Союз был обречён и спасти его могло только чудо, совершить которое, на мой взгляд, мог только М. Горбачев. Я хотел предупредить об опасности прежде всего его. И ошибся. М. Горбачев уже тогда допускал возможность распада Союза и относился к этому совершенно спокойно. Личная судьба волновала его куда больше, чем судьба Союза. Что ж, он оказался намного дальновиднее абсолютного большинства, работая по классической схеме управления, допускающей принципиальную возможность двух ответов на любой вопрос – или “да”, или “нет”. При каждом из двух возможных ответов на вопрос “Распадётся ли Союз?” М. Горбачев работал по схеме: “если да, то...”, “если нет, то...”. Как любой великий политик Горбачев не допускает безвыходных положений, т.е. положений, не имеющих продолжения. Так же он действовал и во время “путча”.

Свои соображения по этому поводу я хотел изложить на сессии Верховного Совета СССР, собравшейся сразу же после “путча”. Кстати, придя на работу 19 августа, я сказал о якобы заболевшем М. Горбачеве следующее: “Вот приедет барин, барин нас рассудит”. У меня не было ни малейшего сомнения в том, что сообщение о его болезни – липа, а “путч” – либо фарс, либо провокация, предпринятая с целью убрать “правых” партocrats, мешающих “левым” демократам осуществлять реформы. Поэтому среди защитников Белого дома меня не было. Я не видел и до сих пор не вижу особой разницы между “правыми” и “левыми”: и те и другие – демагоги.

На сессии я сказал, что хочу сделать заявление в присутствии М. Горбачева и А. Лукьянова. Вместо этого очень быстро был поставлен вопрос о выдаче разрешения на арест Лукьянова. И Верховный Совет почти единогласно (!) “сдал” своего председателя без сколько-нибудь убедительных доказательств его вины. Так всегда работало слепое и перепуганное за собственную шкуру большинство...

Страна в ожидании своей судьбы. Ждут решения своей судьбы и Лукьянов с Горбачевым. Суд над первым потянет к ответу и второго. К уголовному или моральному – второй вопрос. То, что приоткрылось мне еще в конце 1990 и в последующем, позволило мне взять на себя право сказать на 5-й сессии Верховного Совета СССР: “Не спешите вершить суд. Суд скорый всегда суд неправый”. (Может, и не было суда над Лукьяновым, потому что не пришло время суда над Горбачевым).

РОССИЯ И МИР

(“Нива России”, апрель 1993)

“В Россию можно только верить”. Но в какую Россию? Неужто в ту, которую мы потеряли?

Говорят, потерять деньги – ничего не потерять, потерять Веру – значит потерять всё. Россия сменила Веру в 988 году, приняв православие. В.А. Жуковский, полемизируя с П.Я. Чаадаевым, предпочитавшим католичество православию, писал: “Россия, изначально католическая, была бы совсем не та, какова теперь; допустим, пожалуй, что католическая была бы она лучше, но она не была бы Россией”. И Чаадаев вынужден был согласиться не только с

Жуковским, но и с Пушкиным, считавшим, что в отличие от Европы история России требует “другой мысли, другой формулы”. Историю же можно потерять только в результате одичания, в связи с чем чрезвычайно актуальны мысли Пушкина и о том, что “дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим”, и “гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие”.

Главная ошибка М. Горбачева, на мой взгляд, в том, что он распылял и ослаблял власть вместо того, чтобы концентрировать и усиливать её. Искал опоры у интеллигенции и духовенства, а в конце концов бросил и тех, и других на произвол судьбы. От коммунистической веры отрёкся, но замены не предложил. Не знаю, понимает ли Ельцин, в отличие от Горбачева, на ошибках которого должен учиться, что верховная власть есть целостность, не делимая никогда и ни при каких обстоятельствах. Но то, что происходит в России, – это театр абсурда. Ведь и сегодня проблема власти обостряется настолько динамично, что никто и осмыслить этого не может.

Власть или есть, или её нет вовсе. Ко всем этим и многим другим понятиям неприменима количественная мера “сколько”, а только качественная – “какая”.

Выступая на последнем съезде народных депутатов СССР, я назвал себя коммунистом и христианином. От слов своих не отрекаюсь, потому что я коммунист (точнее, социалист), но не марксист-ленинец. С.Н. Булгаков писал, что в “православном предании... мы имеем совершенно достаточное основание для положительного отношения к социализму, понимаемому в самом общем смысле, как отрицание системы эксплуатации, спекуляции, корысти”.

В этом и только в этом смысле я коммунист и остаюсь приверженцем социалистического, а не капиталистического выбора. Но я сторонник русского, а не марксистско-ленинского социализма. Известно, что к идее русского социализма пришли в своё время Ф.М. Достоевский и “поздний” А.И. Герцен. Поэтому я всегда скептически относился к рассуждениям М.С. Горбачева о “гуманном социализме” и о том, что он сам – убеждённый коммунист. Мне было ясно, что М. Горбачев хитрит. Но я не понимал, зачем и ради чего он это делает. Прозреть стал только к лету 91-го года. До этого слепо верил Горбачеву. И не только ему одному.

Итак, власть, как и человек, жизнь, мать, Родина, неделима и существует в единственном числе. Может быть только единовластие, но не многовластие. Если разделить, расчленив человека, получится покойник. Разделение власти убивает её. Смерть ждёт и Россию, если её расчленив, разделить, разорвать на части. Жизнь показывает, что расчленив Россию не перевелись и не угомонились. Если же погибнет Россия, погибнет и человечество. А потому пора напомнить предупреждение Ивана Ильина: “Россия есть организм природы и духа – и горе тому, кто её расчленивает!.. Наказание придёт само... Горе придёт от неизбежных и страшных последствий этой слепой и нелепой затеи, от её хозяйственных, стратегических, государственных и национально-духовных последствий. Не добром помянут наши потомки этих честолюбцев,

этих доктринёров, этих сепаратистов и врагов России и её духа... И не только наши потомки: вспомнят и другие народы единую Россию, испытав на себе последствия её преднамеренного расчленения...”

Чувство грядущей беды побудило меня в декабре 1990 предложить вернуть нашему поруганному Отечеству его историческое имя – Россия. Чем это кончилось для меня лично, вспоминаю как страшный сон. Многие тогда сочли меня человеком “не в своём уме”. Но жизнь постепенно выясняет, кто был и остаётся в своём, а кто в чужом уме. Нас рассудит время.

Российская империя была православным государством, фундамент которого составляло единство славянского тела и христианского духа. Любое государство основано не только на экономике и политике, но и на культуре, источником которой выступает в т.ч. и религия. Иван Ильин в начале 50-х сказал: “...с самого начала нам надо признать, что кризис, приведший Россию к порабощению, унижению, мученичеству и вымиранию, был в основе своей не просто политический, и не только хозяйственный, а духовный”.

Однако с этим не принято считаться и по сей день. Пора уяснить, что и приватизация, и рынок, и демократия – не цели, а средства, и как таковые в определённых условиях и при умелом использовании действительны и эффективны. Но пока игнорируется духовное начало общества, ни экономическая, ни политическая реформы не принесут людям желаемого облегчения. Скорее наоборот. Культура, политика и экономика нерасторжимы, подобно духу, душе и телу человека. Если экономика есть концентрированное выражение политики, то политика – концентрированное выражение культуры.

Когда церковь оказалась вытесненной из жизни российского общества, осталось атеистическое государство. Место церкви заняла партия, а место правительства – политбюро. Везде, начиная от Римской и Византийской империй, государства рушились, если подминали под себя церкви, т.е. если тело начинало командовать духом. Нормальное, жизнеспособное государство всегда является духовно-светским или светско-духовным, поскольку мораль и нравственность исторически основаны на религии. Попытка создать коммунистическое государство была бы оправдана, если бы коммунизм мог стать верой. Владимир Соловьёв, кстати, считал, что “истинное благо общества есть солидарность всех”, российское государство должно быть христианским.

Возражать глубокоуважаемому В.С. Соловьёву трудно, но истина дороже и потому приходится. Христианство, на мой взгляд, может рассматриваться лишь как основа, фундамент той веры, которую нам надлежит обрести. Для веры будущего не должно быть не только “ни эллина, ни иудея”, как провозгласило христианство, но и ни христианина, ни мусульманина, ни буддиста, ни коммуниста. Для россиян началом общенародной веры могла стать вера в Россию. Речь, таким образом, идёт не о единой религии, а о единой культуре и основанных на ней единодушии и согласии по важнейшим вопросам, касающимся общества в целом.

Россия – это прежде всего мир христианства в отличие от языческого, буддистского, иудаистского, мусульманского и прочих миров. Национальное государство предполагает в качестве своей основы национальную веру. А

потому необходимо сказать о том, что понимается под Русским государством и Русской церковью, тем более, что то и другое сегодня наличествует лишь в потенциале.

В. Соловьев видел три главные силы, движущие человечеством – Восточный (мусульманский), Западно-Европейский (католический) и Славянский (православный) миры. Сегодня расстановка сил иная, но суть та же: Судьба человечества зависит от равновесия сил, представленных отдельными мирами. Куда же бедному славянину податься: вернуться в язычество, записаться в неоккоммунисты, принять буддизм или иудаизм, а может, стать всем поголовно мусульманами? Все веры, кроме ложных, хороши, но зачем же забывать свою?

Рассмотрим иерархию: человек-семья-род-национальность-нация-раса-человечество. Кому в этой цепочке дать преимущественное право на самоопределение? Славянская раса – в основном христианская; русская нация – в основном православная. Важно уяснить, что русские – не национальность, а многонациональный народ, нация, которая в этом своём качестве включает в себя людей многих национальностей. Традиционно считается, что русские – это только великороссы, украинцы (малороссы) и белорусы. Но куда деть русских евреев, русских немцев или русских корейцев? Все мы, живущие в России, её граждане, одна нация – русские, хотя и относимся к разным национальностям. Так же, как все граждане в США – американцы, а граждане Китая – китайцы. Есть русские французы, точно так же, как и французские русские. Нация – это единство исторической судьбы с общей культурой, политикой и экономикой.

Ядро российского государства, обновленной России могли бы создать нынешняя РФ, Украина, Беларусь и, возможно, Казахстан. Этот Обновленный Союз, созданный на федеративной или конфедеративной основе, что не столь важно, так как затрагивает не суть, а форму вопроса, может быть президентской республикой, в то время как его субъекты станут парламентскими республиками. В этом случае президент государства (державы) станет государем, но не по праву наследования, а избираемый демократическим путем.

Это государство будет империей или державой. Субъектами всех без исключений империй всегда были государства с разной степенью суверенитета. Так, субъектами Священной Римской империи были королевства, Российской империи Романовых – Польша, Финляндия, страны Прибалтики. Какие государства станут субъектами Российской державы, говорить преждевременно. Их вполне может быть не меньше, чем штатов в США. Но если с нынешними “суверенами” можно обращаться как с потенциальными колониями, то с державой шутки плохи. Она и за себя постоит, и никого из своих “суверенов” и граждан в обиду не даст.

А там, глядишь, с лёгкой руки России, начнет формироваться Общечеловеческая Вера, о чём мечтали Соловьев, Достоевский, Федоров и другие мыслители. И не в этом ли состоит общеисторическая миссия действительно свободной России?

Однако, чтобы получить ответ на этот отточенный российской историей риторический вопрос, граждане России, должны, по моему глубокому убеждению, потребовать истинной ответственности от всех тех, кому мы доверили власть над собой.

ФЕНОМЕН ГОРБАЧЕВА *(“Нива России”, апрель 1993)*

С.Ю. Витте говорил, что если овцам плохо, то плохо и пастухам. Если дела в России не наладятся, призывы найти и привлечь к ответу виновных будут усиливаться, а следовательно, будет нарастать угроза очередной национальной катастрофы, которыми так богата русская история. Вот уж верно сказано: если Бог хочет кого наказать, то он лишает его разума. Нужно быть круглыми дураками, чтобы поверить, что разделение России на части позволит не только эффективно развиваться, но и существовать каждой из частей лучше, чем в органическом единстве с остальными частями, что не относится к распаду СССР на христианский и мусульманский мир. Эти не чуждые друг другу миры вполне могут мирно сосуществовать, будучи полностью суверенными.

Я начал с размышлений о парадоксах М. Горбачева. Теперь пора сказать кое-что о его феномене. Только невежды и политические профаны могли не видеть реальной угрозы распада СССР. Ни Горбачева, ни Лукьянова я к таковым не отношу. Оба знали, что распад реален. Но Лукьянов вроде бы делал всё, чтобы Союз сохранить, а Горбачев картинно изображал, что пытается это делать. Он и “соломки вовремя постелил, чтобы мягче падать было”. Вспомните его неоднократные заявления, что если Союз сохранить не удастся, то он уйдёт, что сделал с видом оскорбленной невинности и блестяще с точки зрения законов политического театра. Сцены его “ухода” юридически безупречны, если всё принимать за чистую монету. Но в политике безоглядно верить нельзя ничему и никому. Политика – это игра сил Добра и Зла, Жизни и Смерти. Любая же игра предполагает обман, но не мошенничество.

Можно ли полностью верить М. Горбачеву? Конечно, нет. Думаю, прав А. Лукьянов, выражая сомнение в том, что у Горбачева в Форосе не было связи. Осенью 1991 в печати появилось утверждение, что для связи с внешним миром ему достаточно было иметь ручку и чистый лист бумаги.

И всё-таки М. Горбачеву можно верить больше, чем многим другим, а всё познаётся в сравнении. М. Горбачев не мешал распаду Союза, ибо знал, что он неизбежен. Несмотря ни на что, он великий политик, потому что он реалист. А. Лукьянов – утопист, т.е. человек, взявшийся за заведомо безнадежное дело сохранения Советского Союза. Это никак не умаляет его профессиональных достоинств юриста или организатора, а также делает честь его стойкости при исполнении гражданского долга. Но он не политик, а исполнитель воли политика, чем и был при М. Горбачеве. На мой взгляд, А. Лукьянов честно нес свою службу. Но самостоятельной “игры” у него не было и быть не могло.

Самостоятельных людей М. Горбачев не выносил. На их фоне он не “смотрелся”. Он и оппонента и “продолжателя дела” выбрал такого, чтобы на его фоне выглядеть “фигурой”. Я имею в виду Б.Н. Ельцина. Борьба между

ними – тоже спектакль, если присмотреться внимательнее. Ведь в партийной системе шаг влево, шаг вправо означал побег со всеми вытекающими последствиями. Кто же поверит, что не М. Горбачев прикрывал ельцинские “художества” с 1986 по 1990 год? Главная задача Б. Ельцина в 1993 – та же, что и у Горбачева в 1991-м: юридически чистым выйти из игры. Думаю, что это ему вполне удастся и он, как и его бывший (а, может, и нынешний) шеф, уйдёт с видом оскорблённой невинности, оставив Россию на пути к катастрофе. Ни он, ни Горбачев юридически неподсудны. Речь может идти только о суде чести и совести. А это суд Бога и Народа.

Итак, М. Горбачев знал, что Союз распадается, и допустил такой исход. Если Горбачеву что-то и можно поставить в заслугу, то как раз это я лично и поставил бы. Но вот если это и только это было его целью, то тогда место М. Горбачева – на скамье подсудимых за неслыханное предательство интересов народа, вверившего ему свою судьбу.

Скажу сразу, злой умысел со стороны Горбачева я считаю практически невероятным. Он прекрасно понимал и понимает, чем грозит всем нам и ему лично распад России. А потому об опасности беды начал говорить задолго до своего ухода с поста президента. И об экономической разрухе, и об угрозе гражданской войны, и о ненадежности демократических преобразований. Но это было известно и без него. Важно другое: Горбачев уходил, чтобы вернуться, и это подтвердили последующие события. Не сомневаюсь: у Горбачева был и есть замысел долгосрочного преобразования России на основе создания обновлённого Союза. Если он, действительно, гениальный, а следовательно, дальновидный политик, то его замысел мог бы выглядеть примерно так: старая страна рушится, на её месте сначала возникает несколько государств, а затем некоторые из них (необязательно все) создают государство-конфедерацию. Тогда его стремление вернуться в большую политику понятно и оправдано: перестройка с самого начала была задумана как многоходовая комбинация. Тогда оправдано и создание Горбачев-фонда.

О Горбачеве ходит масса небылиц. Его называют и “князем тьмы”, и чуть ли не посланцем иной цивилизации, выполняющим некую межпланетную миссию, и даже “Михаилом-Меченым”, упоминание о котором будто бы есть в Библии. Проще всего опровергается последняя небылица: нет такого “персонажа” в Библии, если не искать параллели с Иудой или Каином, помеченным за убийство своего брата Авеля. Только кто тогда Иисус или Авель: он или Лукьянов? Но вот то, что это личность необыкновенная, бесспорно. Ведь облапошить кремлёвских интриганов мог только мастер экстра-класса. Как он им пудрил мозги рассказами о социалистическом выборе, это надо было видеть и слышать! Артист! Талант! Ничего не скажешь – мастер своего дела. Недаром его за глаза называют Талейраном. Возможно, в знак признания исключительной способности к компромиссам, граничащей с коварством, а возможно, потому что политический взлет у обоих начался одинаково – после удачной командировки в Лондон (Талейран – в 1792, Горбачев – в 1984). Что же касается его парадоксов, то хочу добавить вот что: примитивность Горбачева – кажущаяся, он играет “под простачка”. Кое-кто

пытается представить примитивным простачком Сталина, такое же мнение формировалось о Гитлере. Представление тоже наивное, чтобы не сказать больше. И Сталин, и Гитлер – тончайшие психологи, умело игравшие на струнах человеческих душ. Мне доподлинно известно, что Горбачев проявляет большой интерес к психологии (а значит, и к парапсихологии). Он, как и Лукьянов, обладает уникальными способностями работы с информацией. Оба осведомлены о возможностях массового гипноза. Только этим “психотерапевтам” удавалось безукоризненно владеть депутатским залом.

Признаюсь: меня и возмущало, и восхищало одновременно то, как Горбачев и Лукьянов управляют с депутатскими митингами, чем по существу были и съезды народных депутатов, и сессии Верховного Совета СССР. Наблюдая за ходом съездов и сессий по телевидению, страна лицемерила себя во всей красе. Она не могла не развалиться от самовозмущения, что в конце концов и произошло. Это явление я называю *эффектом психологического резонанса* по аналогии с резонансом физическим. Ну, а в переводе на политический язык это означает, что демократию мы не научились уважать, и слышим, и хотим видеть только то, что хочется нам самим. **Как слышим и видим, так чувствуем и думаем, а в результате так и живём.** Чтобы сделать жизнь лучше, нужно работать головой, а не махать кулаками.

НРАВСТВЕННЫЕ УРОКИ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО **(“Соотечественник”, № 12, сентябрь 1993)**

Совсем вроде бы недавно, в 1992, отмечалось 600-летие со дня смерти Сергия Радонежского. Выступлений на разных уровнях было много, но всё равно осталось ощущение недосказанности, неполного раскрытия духовного наследия этой личности, многоплановой и поистине грандиозной. Интерес к нему – это интерес к истории России, формирование её духа, характера. Ведь характер – это судьба. Чтобы уверенно шагать в будущее, нужно внимательно вглядываться в прошлое. Оно подаёт пример, как надо себя вести в периоды смут, бедствий, испытаний. И не страшиться самокритики, следуя примерам Чаадаева, Гоголя, Достоевского, Соловьева, Ильина и многих других. Имея же нравственные ориентиры, можно, подобно Сергию Радонежскому, надёжно прокладывать дорогу в будущее.

Школа нравственности

Вся жизнь преподобного Сергия есть своего рода школа нравственности, а каждый его поступок – урок для потомков. Возьмём для примера лишь несколько эпизодов из жизни и подвижничества отца Сергия.

Христианство, как известно, пришло на Русь из Греции. Вместе с ним пришло и монашество. Впервые общежитие возникло на Руси в Киево-Печерской Лавре. Ввели его преподобные Антоний и Феодосий Печерские. Однако позже общежитие исчезло из русских монастырей. Каждый монах жил отдельно от других и вёл индивидуальное хозяйство. Сергей Радонежский восстановил общежитие в монастырях. У Сергия было узаконено: никого из

неимущих, приходящих в монастырь, не отпускать с пустыми руками. Чуть позже при монастырях начинают возникать богадельни.

Сам Сергей был великим тружеником, работал не только наравне со всеми, но и больше всех, личным примером проповедуя культ труда, порядка, дисциплины. Запрещал побираться. Творя вместе со всеми, он незаметно, ненавязчиво нёс себя миру.

Христианство нередко трактуется исключительно как религия, а религия – всего лишь как культ, обряд, форма. Всё это есть и в христианстве, но оно больше, чем церковный культ или обряд.

Христианство есть культура, изначально тождественная европейской или западной, хотя христианство возникло на рубеже Востока и Запада, а затем в IX веке распалось на западную ветвь – католичество и восточную – православие.

Крещение Руси было прививкой европейской (западной) культуры на Российскую (восточную) почву. В результате христианство воспринято Русью не столько как религия, сколько как вера, составляющая мировоззрение, и культура, дающая основу нравственности и формирующая психологию человека, его характер. Бог же един для всех религий, ибо путь к нему – это путь к истине, а она едина. Поэтому все народы идут к одной цели, к одному богу, но разными путями, к сожалению, плохо зная друг друга и плохо согласуя свои действия.

Сергий укрепил выбор в пользу православного христианства. В результате православный мир оказался между католическим и протестантским на Западе и мусульманским и буддистским – на Востоке. С тех пор Россия так и развивается между молотом и наковальней. Без учёта этого не понять нам своей истории во всей её сложности и противоречивости.

Выбор Сергея – выбор многоплеменной России. Отец Сергей и не “западник”, и не “славянофил”, а руссофил. Т.е. он как бы Начало того Третьего Пути, о наличии которого в России так много сегодня спорят. Русские – народ уникальный, отдавший предпочтение православию, принципиально отличному от католицизма и протестантизма, возможно, в том числе и тем, что в основе его лежит прежде всего сердце, а в основе других ветвей христианства – разум и воля. Только перерожденцы и выдающие себя за русских инородцы лишены сострадания к ближним и призывают к созерцанию и невмешательству.

Как и во времена Сергея, современная Русь переживает тяжелейшее потрясение, грозящее теперь уже порабощением не с Востока, а с Запада. Финансовая и информационная интервенция (поток теле- и кинопроекции, порнографии и другие формы духовной обработки) может сделать Россию колонией Запада с немейшим успехом, чем это сделали в своё время татаро-монголы. Тогда Русь спасла цивилизацию Запада от вандализма, угрожавшего с Востока. Возможно, что пришла пора спасать себя и от завораживающей таинственности целомудренного Востока и от цепкой откровенности Запада. В собственном доме нужно жить собственным умом. Если и есть сегодня угроза, то она не военная, а экологическая и духовная.

Миссия миротворца

Сергий не раз выполнял миссию миротворца. Он – противник насилия, ему ненавистна война. И пока от татар можно было откупиться данью, что искуснейшим образом делал Александр Невский, помня уроки победы на Чудском озере, доставшейся ценой огромных потерь, Сергий был за уплату дани. Но когда Дмитрий приехал к нему за советом перед Куликовской битвой и Сергий узнал, что без угрозы утратить веру и исчезнуть как народ, растворившись в полчищах татаро-монгольского вандализма, откупиться уже невозможно, он стал непреклонен: “Иди, не бойся. Бог тебе поможет”.

Можем ли мы в свете учения Сергия Радонежского найти принципы преобразования России? Конечно, и вот главные из них.

Сила Руси в единстве. Государственный суверенитет России, Украины, Беларуси да и, думаю, Казахстана – не повод для отказа от образования нового Союза как единого государства конфедеративного, например, типа. Только так и возникали сильные и жизнеспособные государства, они создавались в результате объединения нуждающихся друг в друге. Раскольников, убив старуху и совершив тем самым преступление, не смог преступить себя, то есть уйти от суда собственной совести. Мы довели до безумия людей, на наших глазах сходящих с ума и всё более противопоставляющих себя обществу, подстрекавшему их на преступление, а теперь у иных из нас поворачивается язык объявлять о победе над душевнобольными?! (Через несколько часов после выхода этой статьи Б.Н. Ельцин сделал заявление, в котором, слава Богу, о победе “сил демократии” не было ни слова.)

ТОЛЬКО ДУХ ЖИВОТВОРЯЩ (“Труд”, 13 января 1994)

Почему в нашем обществе явно ощущается недостаток добра, чести, порядочности? Есть три взаимосвязанные силы, дающие власть: *физическая* (малая), *финансовая* (средняя) и *духовная* (большая). Первые две, даже объединившись, в конце концов уступят третьей силе, ибо они ограничены и только духовная сила безгранична. А потому в идеале не сила и деньги должны властвовать над духом, а наоборот.

Пришло время продолжить святое дело наших предков, веками создававших Российское государство. Они все с нами: Владимир Мономах и Ярослав Мудрый, Александр Невский и Иван Калита, Сергий Радонежский и Дмитрий Донской, Денис Фонвизин и Петр Первый, Екатерина Вторая и Екатерина Дашкова, Михаил Кутузов и Александр Пушкин, Владимир Соловьев и Александр Второй, Федор Достоевский и Петр Столыпин, Георгий Жуков и Владимир Высоцкий... Их тысячи, сотни тысяч, миллионы – известных и безымянных наших предков, благодаря которым мы дальше видим, потому что стоим на плечах гигантов. Однако история любого народа знает и светлые, и мрачные периоды. Наша история – это ни на мгновение не прекращающаяся борьба света с тьмою, добра со злом, правды с ложью. В революционном порыве мы перевернули свой мир вверх ногами, подчинив

небесное земному, духовное – материальному, ум – силе, аристократию – охлократии. Так стоит ли удивляться, что в перевернутом вверх ногами доме так неуютно живётся?

Россия всегда была, есть и будет СТРАНОЙ ВЕРЫ. Но верить можно и в ложь, принимая её за правду, и в идола в образе отца народов, вождя и учителя. Всякое дело начинается словом, ибо всякому действию предшествует мысль. Дело всегда будет злым, если совершается путём физического, экономического и психологического насилия, ради достижения неблагоприятных целей и удовлетворения корыстных интересов. Власть может быть и служением народу, и помыканием им, и испытанием его терпения. И только то дело и то “хождение во власть” могут быть добрыми, которые начинаются словом правды, контролируются совестью и совершаются на общее благо. Когда слово правдиво и чистосердечно, верящая ему Россия идёт путём Бога. Если же это безбожное слово, т.е. ложь, и обманутая Россия принимает его как руководство к действию, она сбивается со своего пути и терпит неслыханные бедствия и лишения. Да, нынешний кризис сопровождается экономическим спадом и политической нестабильностью. Да, Конституция необходима. Да, необходимо обновление кадров во всех властных структурах. Но спад экономики и политическая нестабильность являются не причинами, а следствиями глобального общественного неблагополучия. Первопричина его – в духовном кризисе, кризисе веры. Россия обрела свою Веру 1000 лет тому назад, но затем была поколеблена в ней, а теперь теряет и ту ложную, на которую поменяла истинную. Наше Отечество было православным, потом стало коммунистическим, а точнее – партократическим. И православный, и партократический периоды не исчезнут бесследно. Они оставят глубокий след в нашей памяти. Обращение к религии и культуре в этот поворотный для нашей истории час естественно. Но религий и культур много, а Бог един и неделим, как едина и неделима Истина. Поэтому православные составляют лишь ядро России, но истинно православные никогда не противопоставляли себя ни мусульманам, ни буддистам, ни иудеям, ибо все религии суть ветви одного дерева вселенской Веры, имя которой Истина, или Бог.

Земля – общий дом всех народов, живущих под одним небом.

Всё это позволяет высказать следующий исходный тезис: **нужны не программы, а объединительная идея, способная стать организующей силой.** Мы заикнулись на экономике и политике, оттеснив на задний план науку, искусство, религию, т.е. культуру в целом, без которой современное общество столь же немислимо, как и без экономики и политики, и без которой политика превращается в политиканство, экономика – в натуральное хозяйство, а человек – в дикаря.

Конституция сама по себе недостаточна, чтобы обеспечить выход из кризиса, ибо даёт только правовую основу общества, но оставляет в стороне мораль и нравственность. В безнравственном же и аморальном обществе принципиально невозможно построить правовое государство. У нас уже была Конституция и не одна. Самая демократичная из них была принята как раз накануне 1937 года. Так не пора ли убедиться, что все безбожные гуманисты “с

человеческими лицами” бесчеловечны, и кровь людская для них, что водица. Ведь мораль имеет религиозную основу и построена на вере. “Если Бога нет, – предупреждал Ф.М. Достоевский, – то всё можно”.

То, что мы живём бедно, можно ещё как-то оправдать, но почему живём так злобно? В обществе явно ощущается недостаток добра, чести и порядочности, избыток пороков. Это главный итог господства атеистической идеологии. События первых дней октября 1993 красноречиво показали, над какой пропастью находится страна и что её ждёт, если и дальше будет продолжаться губительное, безнравственное противостояние политических группировок.

Нередко приходится слышать о том, что нынешние события едва ли не в точности повторяют те, что привели к крушению Российской империи. Речь идёт, конечно, не о деталях, а о характере событий. Если посмотреть на происходящее под этим углом зрения, то невольно вновь напрашивается всё тот же вывод: кризис, в очередной раз поражающий Россию, как в начале века, – не только экономический и не столько политический, но прежде всего и изначально духовный, а если ещё точнее, то национальный. Это кризис русской нации, многонационального русского народа, уникального единства исторической судьбы. Давайте наконец осознаем, что русские – это не национальность, а нация, и русская идея предполагает и объединение не только и не столько по крови, сколько по духу. Это идея единения Бога и Народа, Природы и Человека. В этом её суть и её сила, её общечеловеческий характер.

Чтобы возродиться в теле, Россия должна возродиться в душе и духе. И тогда дано ей будет новое тело. Поэтому нечего нам искать счастья на чужбине. И по сей день остаются актуальными впечатления Д.И. Фонвизина от одной из его заграничных поездок: “Я увидел, что во всякой земле худого гораздо больше, нежели доброго; что люди везде люди; что умные люди везде редки; что дураков везде изобильно, и, словом, что наша нация не хуже некоторой, и что мы дома можем наслаждаться истинным счастьем, за которым нет нужды шататься в чужих краях”.

Идея может быть объединяющей и разъединяющей. Чтобы властвовать, можно разъединять, а можно объединять. Католическая и протестантская Европа осознала необходимость объединения и уже третье десятилетие строит общеевропейский дом. Россия же, того и гляди, распадётся. Почему? А потому, что неизвестно кем подброшенная нам идея суверенизации – не русская идея, а значит, разрушающая Россию. Это нужно чётко представлять, прежде чем пропагандировать идею федерализма. Россия может существовать в качестве целостности либо как унитарное, либо как унитарно-федеративное, но никогда как федеративное государство. Она может называться Российской Федерацией, но быть только Россией или не быть вовсе. Кстати, США и ФРГ – типично унитарно-федеративные государства и федерации лишь по названию, в связи с чем ни одному американскому штату или немецкой земле и в голову не приходит не только угрожать отделением, но и прекращением платежей в федеральный бюджет. Там, слава Богу, усвоили, что те, кто не умеет подчиняться, не способны и подчинять. И Америка, и Германия – это

государства федеративные по форме, но унитарные, и даже жёстко унитарные по существу. Между прочим, Америка, на опыт которой так любят ссылаться, почти 15 лет вынашивала свою конституцию. И только после её принятия стали появляться конституции штатов. Но этот факт, как впрочем, и многие другие у нас замалчивается.

Необходимо также напомнить, что внутри России национально-территориальных образований после XVI века не было, и в значительной степени Россия не потеряла ни одного из своих 160 народов. Давайте наконец поймем, что федерализация и сопутствующая ей суверенизация территорий выгодны только местным псевдоэлитам, цепляющимся за власть или рвущимся к ней, но губительны для основной массы населения, независимо от национальности или вероисповедания. Власть неделима в принципе, как природа, время, мысль, истина, честь, любовь. Те, кто пытается делить власть, на самом деле под шумок делят материальные ценности, прежде всего землю, имущество и деньги. Если дело так пойдёт и дальше, то на очереди делёж водного и воздушного бассейнов и космического пространства. Поэтому важным представляется следующий вывод: власть и собственность – сёстры-близнецы. Тем, кто хочет заниматься проблемами власти, нужно отчётливо это представлять. Нам необходимо не разъединяться, а объединяться, ибо теперь уже окончательно ясно, что надеяться не на кого и верить некому, кроме Бога. Спасти себя можем только мы сами. Но горе миру, когда объединяются голодные и нищие духом, ибо ради вина, хлеба и зрелищ они не пощадят и мать родную.

Мы стоим перед необходимостью установить новую иерархию, прямо противоположную существующей. Есть две крайние иерархические структуры – *аристократическая* и *охлократическая*. Охлократия – власть толпы, власть восставшего народа, не способного вследствие неорганизованности удержать ее. Охлократическая иерархия установилась в России после 1917 года. Как отмечал Н. Бердяев, там, где начинался процесс разложения, рушилась вера и вспыхивал пожар революций, вместо аристократической (элитарной) образовывалась охлократическая иерархия. И господство охлоса создавало своё избранное меньшинство, свой подбор лучших и сильнейших в хамстве, князей и магнатов хамского царства. Ни одна революция не принесла ни свободы, ни равенства, ни братства. Причину этого Н. Бердяев видел в том, что сверху не излучался свет, и поэтому прорывалась тьма снизу. Образно, логично и точно.

В этой связи важно подчеркнуть, что русская аристократия формировалась не по национальному, а по духовному принципу, и титул дворянина мог быть присвоен любому, кто верой и правдой служил Отечеству и имел заслуги перед ним. Чтобы вернуться на путь русской идеи, необходимо поменять созданную партократией иерархию на противоположную. Это и есть тот бескровный мировоззренческий переворот, который необходимо открыто готовить и осуществлять в России. Нужно только объединиться. Организационной формой такого объединения может стать Российское земское Движение, учредительный съезд которого состоялся 3 ноября 1993 года в

Москве. Ведь именно земство как власть от земли было в течение столетий хранителем русской культуры и традиций. Со 2-й половины XIX века здравоохранение, образование, воспитание, торговля, сельскохозяйственное и промышленное производство, т.е. фактически вся жизнь России, строились на земской форме организации представительной власти и самоуправления как на фундаменте. Земство – это отечественная форма народовластия, обеспечения гармонии интересов между сословиями на почве наличия взаимной заинтересованности в защите прав и свобод граждан. Государство только тогда становится предметом заботы граждан и защищается ими, когда само демонстрирует волю, готовность и способность защитить каждого своего гражданина. Государство не должно делить граждан на “своих” и “чужих”, подобно тому, как это не могут делать родители в отношении своих детей.

Земство есть русская форма народовластия и государственного строительства “снизу”, “от земли”, непосредственно народом. Именно этот путь демократизации России и развития парламентаризма был прерван в 1917, в результате чего земские органы самоуправления были повсеместно вытеснены Советами. Современная интерпретация земской идеи должна учитывать результаты необратимой трансформации и модернизации российского общества. Ценность её определяется в том числе и тем, что она даёт реальную основу для объединения представителей делового и духовного миров, не противопоставляемых друг другу, а рассматриваемых как органическое целое. Преодоление национального раскола, возрождение и воссоединение духовного и делового миров России – такова в самой общей форме суть современной земской идеи и основанного на ней средства достижения согласия в обществе по вопросам экономического, политического и духовного развития нации.

Чтобы заниматься делом, земству нужен порядок, уважение к закону, защищенность прав и свобод личности. Оно, естественно, нуждается в государстве как учреждении, аппарате, механизме управления обществом. Поэтому земство объективно стремится учредить, создать и сохранить такую госсистему, которая отвечает его представлениям и интересам. В результате земство всегда брало и должно взять на себя инициативу государственного строительства в периоды, когда центр утрачивает способность обеспечивать условия для достойного существования граждан и соблюдения их интересов. Такие периоды называются “смутами”. Сегодня Россия переживает период очередной “смуты”, центр фактически парализован противоборством нескольких политических группировок, для которых интересы рядовых граждан и отдельных регионов существуют лишь постольку, поскольку они нуждаются в поддержке на выборах. Нас не спасёт никакой парламент, пока не будет принципиально решен вопрос о власти и госустройстве России, а это не только и не столько экономическая и юридическая, сколько мировоззренческая проблема.

Реформа власти и государства потребует огромных усилий от граждан России. Резонно в связи с этим напомнить слова преподобного Сергия Радонежского, сказанные им Дмитрию Донскому: “Иди, не бойся. Бог тебе поможет”. Да поможет России Бог и на этот раз!

РУССКАЯ ИДЕЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

(“Интервью”, № 4, 1994 г.)

Происходящее всё больше убеждает в том, что мы – жертвы собственного невежества, заблуждений, мифотворчества и политиканства. Каждый имеет право на ошибку, но не на мошенничество. Что толку метать громы и молнии в тех, кого уже нет с нами? Куда разумнее попытаться понять, в чем и почему они были не правы? Нужно учиться на ошибках прошлого, чтобы избежать их в настоящем. Есть все основания (и теоретические, и практические) для утверждения, что марксизм-ленинизм – ошибочная теория. Есть ли в ней элемент обмана – вопрос особый, но то, что “основоположниками” руководило в том числе и неудовлетворенное тщеславие, а человеческая жизнь не была для них ценностью – бесспорно. Слишком много тому подтверждений.

Россия приняла марксизм, как в своё время Троя – бутафорского коня. Для нас ведь вечно нет пророков в своём Отечестве. И вот результат: осквернена национальная идея, мы вновь отданы в руки очередных экспериментаторов, для которых Россия всего лишь “эта страна”. Если признать, что целью госполитики является обеспечение жизнедеятельности нации, то нынешний курс не только ошибочен, но в силу этого и опасен, ибо осуществляется без достаточно убедительного теоретического обоснования, методом проб и ошибок. Нынешнее руководство страны либо не знает, либо тщательно скрывает, как и куда вести Россию. Чтобы народ, не дай Бог, не обнаружил, что король голый, его настойчиво убеждают, что нужно сосредоточиться на экономике, а остальное решится само собой. Но ведь мы, одураченные марксизмом-ленинизмом, уже восьмое десятилетие “сосредотачиваемся” исключительно на том, как бы побольше произвести, а в результате отстаём по жизненному уровню от передовых стран и народов всё больше и больше. И не только относительно, но и абсолютно.

Говорят, что от любви до ненависти – один шаг. От демократии до охлократии – тоже. Россия уже 2-е столетие спотыкается на этом шаге прежде всего потому, что произошёл духовный раскол нации сначала в среде верующих, затем на верующих и атеистов и, наконец, на интеллигенцию, якобы ничего не производящую и паразитирующую на теле народа и трудящихся, якобы всё на свете производящих и всех содержащих. В результате произошёл раскол между духовным и деловым миром России. Почему произошёл – это вопрос особый и требующий отдельного разговора. Но без ликвидации раскола путём устранения противоречия между умственным и физическим трудом в России невозможны никакие достаточно глубокие экономические и политические преобразования, поскольку нельзя победить болезнь, не установив её причины. Путем этого раскола на “трудящихся” и “служащих” Россия обезглавлена и отдана на растерзание политиканам, спекулирующим на экономических трудностях, для чего они их искусственно создают. Голод на Украине в 30-е годы (теперь это уже ни для кого не секрет) был организован. И только очень наивные люди могут поверить, что держать

Россию в нищете на протяжении десятилетий можно, не одурачивая её с помощью экспериментов в сфере собственности, а значит – власти.

Восхождение всегда связано с преодолением сопротивления. Катиться под гору куда легче, чем взбираться на неё. Помнится, Обломов, познакомившись с Ольгой, стал следить за своей внешностью, ходить на балы и даже на гору взбираться. Нынешняя Россия напоминает Обломова, который не только никого не любит, но и себя тоже не жалуется, поскольку не щадит ни души, ни тела, а уж о восхождении на гору и думать боится. Живём бедно, но почему же так грязно и злобно?! Во что превращены наши города и села, почему так загажена земля, как можно было допустить до такого разгула хулиганья, вора и жулья?! Повести решительную борьбу с этим злом и пороками тоже никак нельзя без иностранных кредитов?! Нет, нам никто и ничто не поможет, если мы сами не найдём в себе сил измениться изнутри. На вопрос, с чего начать, есть только один ответ: с очищения грязи в душе, теле, доме, во дворе, на улице, в окружающей природной среде; с осмысления прошлого, покаяния за содеянное и осознания своей причастности ко всему, что было, есть и будет; с размышления о смысле жизни и сравнении того, как живём, с тем, как хотели бы жить, если бы устранили причины, мешающие этому; с раскрепощения внутренних сил каждого в отдельности и всех вместе.

А силы эти есть, и они практически неисчерпаемы, если вдуматься в то, кто мы и откуда пришли. За нашей спиной минимум тысячелетняя история. Мы располагаем гигантским духовным и природным потенциалом. И всё это сковано удушающей системой эксплуатации. Наши партийные идеологи утверждали, что у нас её нет, а на деле ввели самую жестокую и изощрённую эксплуатацию – духовную. Безграмотные люди выводили: “Мы не рабы! Рабы не мы!” Неправда! Мы рабы, пока не помним своего прошлого и пока мы немые. Нас лишили не только свободы слова, но и памяти, свободы мысли, совести и мнения, что куда страшнее. В результате не все способны понимать, за что они голосуют на выборах и референдумах, а политические авантюристы ловко пользуются инстинктами масс, играя на их страстях. Наше духовное рабство порождает бедность, ибо много ли наработают руки при параличе разума и духа. “А бедность, – говорил П. Столыпин, – худшее из рабств”. Мы могли только механически голосовать. В этом мы были и остаёмся формально одной из самых демократических стран в мире, ибо с “волеизъявлением масс” у нас всё в порядке, а то, что эта воля парализуется путём оболванивания через СМИ, ибо способность самостоятельно мыслить вытравливалась десятилетиями, вроде бы и не в счёт. При формальной, т.е. нашей, демократии два-три дурака и мерзавца всегда подавят, а при желании и удавят одного умного и порядочного. Сократ, Аристотель, Галилей, Ян Гусс, Вавилов – все они жертвы формальной демократии. Могут возразить: это не демократия, а охлократия. А я про что, когда говорю, что от демократии до охлократии один шаг?! Есть опасность, что Россия вновь может сделать этот шаг. Если демократия выливается в охлократию, как вот уже второе столетие в России, то из нее один выход – в деспотию и тиранию, что и произошло в 17-м году. Охлократия в России всегда приводила к бунту, страшному, бессмысленному и

беспощадному. Обезумевший народ не то что вождя или диктатора – тирана готов просить, чтобы себя же усмирить и спасти от разгула своих же страстей. Всё это у нас уже было. Так куда же мы катимся?!

Любая система инерционна и общественная тоже. Сила инерции есть внутренняя сила системы. В общественном организме эта сила накапливается или рассеивается в ходе исторического процесса. Так создаётся исторический потенциал нации. У России он огромен, но используется плохо и даже безобразно. Нас лишили возможности и права распоряжаться внутренним потенциалом, лишив истории. Вернем своё прошлое, воскреснем духовно и перестанем быть “Иванами, не помнящими родства”, – обретём будущее. Нынешняя Россия – словно сжатая пружина. Но пружина сжимается физической силой, а Россия сжата обманом, ложью, лицемерием и ханжеством, которое в умелых руках тоже сила, но не физическая, а нравственно-психологическая. Россию распрямит и возродит только сила правды о прошлом и настоящем, а также правда о будущем. Но у нас поднаторели выдавать ложь за правду, а потому всё ещё велика опасность очередного обмана.

Согласие в обществе достигается путём объединения всех или большинства вокруг того, с чем все согласны. Таково, например, согласие верующих независимо от того, верят они в Бога или Дьявола. Есть, таким образом, разные типы согласия, в т.ч. и согласие атеистов, марксистов, фашистов и т.д. Есть согласие любящих и ненавидящих, сильных и слабых, добрых и злых. Например, согласие между политпартиями, богатыми и бедными, умными и не очень. Одно можно сказать твёрдо: “Когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдёт”. Поэтому согласие всегда взаимовыгодно. Нарушение его может быть временно выгодно какой-то части общества, но вскоре наступает тяжкое похмелье, как это было, например, с крестьянством, поддержавшим большевиков в 17-м, в гражданской войне и раскулачивании, а затем жестоко поплатившимся за доверчивость и нарушение христианских заповедей. То же, в конце концов, произошло и с рабочими, до сих пор мечущимися и не знающими толком, кого слушать и поддерживать. Правды и справедливости не искали и не ищут в массе своей ни те, ни другие: искали и ищут выгоды. А “ловцы человеков” тут как тут со щедрыми обещаниями и посулами. Опять могут победить те, кто половчее обманет россиян. Живём, словно на взбунтовавшемся корабле с пьяным капитаном, растерявшимся боцманом и распавшейся на враждующие группы командой. Нынешнее состояние общества близко к панике, когда каждый стремится спасти прежде всего себя, сильные начинают топтать слабых, бежать некуда.

Согласие же тем не менее возможно, но только не вокруг того, что всех устраивает, а вокруг того, что всех или большинство не устраивает. В этом-то и вся сложность для общества, поражённого ложью, ханжеством, лицемерием и сопутствующими продажностью, злобностью и хамством. Нужно оздоровление, очищение, а чтобы их осуществить – согласие. Надо объединиться для борьбы со злом, руководствуясь шекспировским принципом: “Чтоб добрым быть, нужна мне беспощадность!” Речь идёт о беспощадности к

нашим порокам, их носителям и распространителям. Россия нуждается не в экспериментах на её теле и душе, а в лечении, когда главным принципом выступает: “Не навреди!” Но чтобы победить болезнь, нужно знать её историю и диагноз, быть беспощадным к болезни и любить больного. Нужно знать историю России, любить её и быть беспощадным к её порокам и врагам, развивающим и культивирующим эти пороки. Другого пути у нас нет, если мы не желаем гибели ни России, ни человечеству. Наше будущее предопределено прошлым и настоящим, а в конечном счете – всей историей человечества.

Рождение качественно нового невозможно без разрушения старого. Смерть старого не обязательно должна быть насильственной, если старое достаточно благо разумно, чтобы вовремя уступить дорогу новому. Вот эту эволюционную традицию смены старого новым и унаследовала Россия от Византии вместе с православием и пониманием происхождения Закона Кесаря от Закона Бога, зависимости права от морали. Отсюда – терпимость русского народа как одна из главных черт национального характера. Но есть у русских одна отличительная черта, если угодно, общенациональный признак: русский человек, как подмечено многими исследователями русского характера, ищет в жизни правды, справедливости, истины, а значит, Бога. Недаром первая русская Конституция называлась “Русская правда”. Когда на Руси хотели попенять человека, то говорили: “Бога в тебе нет!” Так обращались к бессовестным или совсем никудышним людям. Русский человек носит Бога в душе, он сам есть Храм. Для общения с Богом русскому нужно не столько систематически участвовать в церковных обрядах, сколько ощущать себя частью русского православного мира, русской православной Церкви – духовного тела нации, её культуры. Недаром Христос не столько проповедовал, сколько учил. И не только в храме, а в любом месте, где его слушали и слышали: и на берегу озера, и на площади, и за столом во время трапезы. А из храма Христос выгонял торговцев, т.е. очищал души людей от скверны алчности и стяжательства.

Как и любой другой, русский живёт по двум законам: нравственному (внутреннему) и юридическому (внешнему). Жить человеку по одному закону – всё равно, что птице летать с одним крылом. Оба закона дополняют друг друга, взаимодействуют, но не заменяют и не отменяют один другого. Остаётся загадкой, что имел в виду М. Горбачев, когда выдвинул лозунг: “Всё, что не запрещено законом, разрешено”. И это при нашем-то уровне законодательства, правосудия и законопослушания! Естественно, возник вопрос: какой закон имел в виду юрист Горбачев? Если юридический, то тогда он фактически провозгласил милый сердцу любого мошенника лозунг: “Не пойман – не вор!” Стоит ли удивляться, что горбачевский лозунг обернулся современной интерпретацией на тему: “Грабь награбленное!” Только под награбленным на сей раз понимается не частная, а обобществленная, государственная, т.е. народная собственность. Но если уж глава государства сознательно или бессознательно призывает к грабежу, так время ли вспоминать о забытых Совести и Боге? Пока вспоминать будешь, так всё и разграбят, как уже не раз бывало. Стоит ли удивляться последовавшему беспределу? Поэтому ещё раз

напомним: наше государство исторически начиналось с принятия Основного Закона, называемого “Русской правдой”. Эта первая русская Конституция появилась в начале тысячелетия. Готовили России Конституцию с таким же названием и декабристы. Наши предки стремились жить по совести и правде, мы же ушли с дороги отцов и окунулись в ложь и пороки, за что и расплачиваемся. Двойственный же характер закона (от Бога и от Кесаря, от Неба и от Земли) всегда отчётливо понимался русским народом, что нашло, в частности, отражение в риторическом вопросе: “Как судить будем: по совести или по закону?” Как действуют и судят нынешние юристы, одному Богу известно. Недаром на Руси говорят: закон, что дышло...

Россия до 1917 года считается едва ли не классическим образцом монархии. В основу её государственности было заложено три принципа: Самодержавие, Народность, Православие. И вот из царства необходимости, какой и была для России монархия в силу в муках рождённого нравственно-психологического идеала, она бросается в царство свободы, вседозволенности и произвола. Сбывается пророчество Ф.М. Достоевского: “Если Бога нет, то всё можно!” Вместо демократии Россия оказывается в пучине охлократии, что естественно и закономерно: ведь путь в подлинную, а не формальную демократию лежит только через аристократию. Это известно еще со времен Сократа, Платона и Аристотеля. Большевики же сделали всё, чтобы уничтожить отечественную аристократию и занять её место. И, естественно, выдвинули своих в “монархи”: сначала Ленина, потом Сталина, которые и выродились в Брежнева и Черненко. Партноменклатура постепенно умнела и, наконец, поняла, что дни её сочтены и рано или поздно нужно будет ответить за всё. “Перестройка” была начата еще в 1953-м “командой” Хрущева. Потом “эстафета” была подхвачена “командами” Андропова, Горбачева и, наконец, Ельцина. А вообще-то все 4 “команды” принадлежат к одной “школе” – неособольшевиков: где надо действовать умом, они неизменно действуют хитростью, опираясь на мнение большинства и ловко им манипулируя. Но истина нигде и никогда не устанавливалась простым большинством голосов. Так что неособольшевики – это всего лишь измельчавшие и выродившиеся большевики. Похоже, они начинают выдыхаться, поскольку собственной идеи у них не было, нет и быть не может. Поэтому ничего умнее возврата к капитализму не могут предложить даже наиболее способные и образованные из них. Раньше не могли толком определить, что такое коммунизм. Теперь под капитализмом предлагают понимать строй, “как у них”, хотя “они” меньше всего интересовались тем, как “мы” обзываем то, что они строили и строят, ибо всегда придерживались принципа: “А жить надо просто затем, чтобы жить”. Они жили и живут, а мы всё чего-то строили и опять собираемся строить, не разобравшись толком, что душе нашей угодно, а что нет. И так будет до тех пор, пока мы не вернёмся на “русский путь”, т.е. на путь своего собственного исторического развития.

История России и современное развитие событий подсказывают вывод: необходим возврат к русской идее государственности, построенной на двух нерасторжимых началах: нравственно-психологическом (внутреннем со-

держании) и юридическом (внешней форме). У каждого народа эти начала свои. На них он и строит свою Церковь, и свое Государство от семьи до верховной власти. Русские никому не навязывают свои идеалы. Это им обманом навязали марксизм-ленинизм и, разложив духовно, заставили “внедрять” его в мир, за что русские и поплатились. Но теперь Россия возвращается к своей вере, культуре и государственности, просыпаясь, как от тяжкого сна. И если мусульманский мир (Средняя Азия и часть Кавказа), а также католический мир (Прибалтика) хотят строить свои государства одни на западной, а другие на восточной идеях, то ради Бога. Нужно лишь пожелать им успеха. Россия же – Евразия, Восток-Запад, а большинство её населения – восточные славяне, предки которых приняли православную веру, ставшую основой нашей культуры. Русские отличаются исключительной восприимчивостью других культур и охотно делятся своей с другими народами, но не навязывая ни её, ни православия, чего, к сожалению, нельзя сказать о других народах.

Русскую идею государственности, отказ от которой стал результатом духовной агрессии Запада, начавшейся задолго до 1917 и продолжающейся до сих пор, реализовать в полной мере только предстоит нам и нашим потомкам. В этом наш долг перед теми, кого уже нет, и теми, кого еще нет с нами.

Русская идея государственности состоит в реализации нравственно-психологического идеала многонационального русского народа, ищущего в жизни не выгоды и не денег, а сначала правды и справедливости, потом уже всего остального, включая и деньги. Для русского честь и совесть дороже денег, а не наоборот. Чтобы русский продал душу дьяволу, нужно сделать его вероотступником. Сейчас, как и прежде, в России много воруют. Говорят даже, что никогда прежде не воровали так много и нагло. И надо бы напомнить, что в древности “воровать” дословно означало “кривить душой”. Так что воровство – от бездуховности и безбожия. Бога в нас, а значит совести, маловато; это главный наш дефицит. При таком уровне нравственности не будет у нас ни Власти, ни Государства. Власть в России не может держаться ни на штыках, ни на деньгах, а только на правде и справедливости. Это убедительно доказано всей историей России. Тем, кто этого не знает, не воспринимает или не понимает, нечего делать у государственного руля России.

ВЛАСТЬ И ДЕНЬГИ **(“Власть”, № 17, 1993)**

Кто платит деньги, тот и заказывает музыку. Это утверждение – не аксиома, ибо требует доказательства и справедливо лишь в определённых условиях, как и то, будто “всюду деньги – господа”. Чтобы деньги диктовали свою волю, их сила должна превосходить силы других претендентов на власть. Жизнь свидетельствует: не всюду и не всегда последнее слово оказывается за деньгами. Это только на уровне поэтического образа претендентов на власть двое: “Всё моё, – сказала злато; всё моё, – сказал булат”. Но в жизни в этот спор постоянно вмешивается третий: “Всё моё, – говорит воля и подчиняет себе и злато, и булат”. Власть всегда и везде – триединство трёх сил:

физической, экономической и нравственно-психологической. Применить власть – значит использовать оружие, деньги и информацию. Кто владеет искусством применения этих сил, тот и властвует.

На предстоящих выборах к власти придёт воля, поддержанная золотом и булатом, т.е. к власти придёт качественно новый духовный мир, поддержанный деловым и силовым мирами. От того, какой будет структура этого триединства, зависит судьба России. Нынешняя власть тоже представляет союз трёх миров определённого качества. Она движется, точнее балансирует, на слове, рубле и штыке, играя с ними, словно с огнём, ибо устраивает лишь своих непосредственных союзников, доля которых в общей массе населения не обеспечивает властным структурам надёжного тыла. А фронт без тыла никогда не одержит победу, когда необходимы длительные усилия. Нас ждут большие перемены, ибо состояние неустойчивого равновесия, установившееся после распада Союза не гарантирует основной массе населения ни благосостояния, ни прав, ни свобод. Прежнее государство деградировало и распалось, а нынешнее находится в стадии становления и пока демонстрирует несостоятельность и неспособность стабилизировать ситуацию и объединить общество для преодоления кризиса. Наоборот, раскол в обществе растёт и кризис углубляется. России нужно государство, а не его видимость. “Страна наша богата, порядка только нет”, поскольку порядок устанавливается государством, бессилие которого порождает разруху и беспорядок.

Человечество знает три периода своего развития: доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный, или докапиталистический, капиталистический и посткапиталистический. Россия находится на переходе из докапиталистического мира в капиталистический и посткапиталистический, и многие наши проблемы – это трудности переходного периода. Каждому периоду и этапу общественного развития соответствует свой тип, или своя структура, власти и государства. В докапиталистическом обществе власть есть сила преимущественно физического принуждения, в капиталистическом – экономического, или финансового, в посткапиталистическом – нравственно-психологического, или духовного. Власть, всегда и везде оставаясь триединством трёх указанных сил, прогрессирует в сторону уменьшения доли физического и роста экономического и нравственно-психологического принуждения. Рост доли экономического и духовного факторов в структуре власти свидетельствует об уровне развития общества. То, что на этапе перехода к индустриальному обществу резко возрастает роль науки, а к постиндустриальному – ещё и роль религии, абсолютно закономерно, ибо после вовлечения в сферу трудовой деятельности вещественных и энергетических ресурсов природы начинается обращение к информационным ресурсам, что делает непосредственным орудием производства не только и не столько руки, сколько разум и волю человека. “Разум же человека, – предупреждал Гегель, – не только могуществен, но и хитёр”. Если нет нравственного императива (запрета), воля и разум становятся злом чудовищной силы, оружием, страшнее и разрушительнее ядерного и лазерного.

Россия на переходе, но особенность нашей действительности состоит в том, что мы одной ногой находимся в докапиталистическом, а другой – уже в капиталистическом и даже посткапиталистическом обществе, проходя испытание на “разрыв”. Физическое принуждение утрачивает свою силу; экономические “рычаги” ещё только набирают её; духовное принуждение, порождённое марксизмом-ленинизмом и ещё недавно опиравшееся на него, осуществляется через СМИ, но фактически лишено необходимой научной и религиозной базы. То, что вчера было наукой, сегодня всё более воспринимается как шарлатанство, вытеснившее в своё время религию, а вместе с нею и нравственность. От ложной веры мы с трудом освобождаемся, истинную же и едва не утраченную с трудом возрождаем, воскресая духовно. В безнравственном же обществе опасно злоупотребление любой из трёх сил власти. В этом одна из основных причин нашего топтания на месте: ощущается нехватка духовного потенциала, растраченного за годы марксистско-ленинского ига, нанесшего России ущерб сродни татаро-монгольскому.

Рано или поздно мы должны будем, наконец, провести радикальную реформу денежно-финансовой системы, содержащей в качестве обязательных взаимосвязанных элементов деньги и банки, налоги и бюджета, таможен и биржу. Всё, что уже сделано в этой области, – лишь начало гигантской работы, необходимой, но недостаточной для проведения социально-экономической реформы. С тем, что невозможно преодолеть кризис без качественного совершенствования денежно-финансовой системы, согласны, похоже, все, кто мало-мальски близко соприкасается с проблемами экономики. Но есть и другая сторона проблемы: самые крупные уголовные преступления совершались и совершаются в сфере финансов. Афера с “чеченскими авизо”, принципиально невозможная в цивилизованном мире, – красноречивое тому подтверждение. “Игры” на динамике курса рубля известны даже школьникам. Кто и как греет руки на нестабильности денежной системы, наглядно продемонстрировал обмен старых купюр на новые.

Если у кого-то уровень жизни вырос, а уровень производства остался прежним и даже снизился, значит кто-то стал жить хуже: законы сохранения действуют неумолимо, всегда и везде, если система закрытая. Чтобы их обойти, нужно сделать систему открытой, а обмен неэквивалентным. Так работают все системы эксплуатации. Благосостояние нынешних “нуворишей”, среди которых люди дела занимают пока незначительную часть, построено главным образом на неэквивалентности товарно-денежных отношений, что обусловлено нередко искусственно созданными перекосами в ценообразовании и оплате труда, а в конечном счёте перекосами в системе денежного обращения. Наши беды носят не только случайный, но и организованный характер. Нельзя купить власть, как и счастье, любовь, здоровье. Но можно купить должностное лицо и подчинить его своей воле, как купить любое из реально существующих благ: виллу, яхту, вино, женщин, лекарства. Так что господа, покупающие и содержащие должностных лиц, могут заказывать своим слугам любую музыку, и слава Богу, что продажные музыканты редко бывают стоящими композиторами и исполнителями. Партноменклатура не удержалась

у власти как раз потому, что опиралась преимущественно на таких слуг, подбирая их по своему образу и подобию. Но всё больше музыкантов жило и живёт по принципу: “Служить бы рад, прислуживаться тошно”. Вот и приходится нынешней власти прибегать к услугам тех, кто “числом поболее, ценою подешевле”, а потому и неразборчивее. Раздутость госаппарата как раз этим во многом и объясняется. Но куда хуже другое: такой аппарат принципиально противится наведению порядка прежде всего в сфере товарно-денежного обращения, ибо будь в этой сфере порядок, аппарат лишился бы своей ложной значительности, построенной на возможности использования служебного положения в корыстных целях. Убери иного из аппарата и выяснится, что он круглый нуль, а весь его “авторитет” – дутый.

Каждая общественная система имеет свою денежную систему, а в конечном счёте свой механизм товарно-денежных отношений, т.е. рынок. Свой прежний рынок, основанный на административно-силовых “рычагах” власти и потому отживший, исчерпавший себя, мы лихо разрушили, а нового, ориентированного на финансовые “рычаги” и свободу предпринимательства, пока не обрели, опасно растянув переходный период. Говорят, не решен вопрос о частной собственности. Верно: реформа собственности есть реформа власти и наоборот. Но ведь увеличить свою собственность человек может только создав, отняв, украв или купив нечто. Чтобы купить, надо сначала создать собственный продукт, продать его, получить деньги и только затем нечто приобрести в собственность. Можно воспользоваться накоплениями, но после гайдаровского погрома основная масса населения лишилась их. В результате возросло число отнимающих и ворующих и снизилось и без того небольшое число производящих. Пока это один из основных результатов ельцинско-гайдаровской реформы. Распределяющие, отнимающие и ворующие мёртвой хваткой вцепились в создающих. “Крутят” деньги в коммерческих банках, вводят недоступные массе производителей ставки кредита. Короче, ловят рыбу в мутной воде, которую сами же и мутят. И всё это в значительной степени благодаря несовершенству денежно-финансовой системы.

Однако нет худа без добра. Ситуация совсем не безнадежна, сделанное “командой Гайдара” не всё так плохо, как некоторые думают и говорят; (если только говорят, что думают). Можно было идти другим путём, но, раз уж пошли этим, продолжать придётся с учётом полученных результатов. А они разные: и отрицательные, и положительные. По крайней мере теперь отчётливее видно, что следует продолжить, а от чего следует отказаться. Так всегда бывает при отсутствии надежной теории, что вынуждает действовать методом проб и ошибок. Это и имеет место в нашем случае, поскольку проблема носит не только экономический, но и нравственно-психологический характер, и “голым” экономистам и хозяйственникам её не решить, будь они даже семи пядей во лбу. Поэтому Гайдар ярок как экономист, но не глубок как политик и государственный деятель. Как экономист он действовал в основном верно. Как политик же практически не раскрылся, а потому неважно смотрелся и воспринимался. Не будь Б. Ельцина, он не выдержал бы и половины срока да и вряд ли вообще был бы востребован в таком качестве. Но разрушить он успел

многое и основательно, порядком расчистив поле деятельности для своего преемника. Так что, как говорится, и на том спасибо.

Наша денежная система принципиально неспособна быть стимулятором производства и всё более выступает в роли его тормоза. Не говоря уже о технологическом средневековье отечественной банковской системы, разительно уступающей по техническому и научному обеспечению оборонной системе, что в нынешних условиях делает страну практически беззащитной перед лицом финансово-экономической агрессии, мы толком не можем не только распорядиться наличными денежными ресурсами, но и даже собрать налоги, укрыться от уплаты которых не может разве что невежественный или ленивый. Радуетя этому только жулье и ворьё, а основная масса тружеников не видит просвета в дремучем лесу невероятно запутанного законодательства, в котором ворьё и жулье и чувствуют себя вольготно. Не для них ли оно создаётся нынешними законодателями, среди которых далеко не всем по плечу роль реформаторов госсистемы? В результате Россию может постичь судьба Союза.

Все процессы без исключения управляемы, хотя и не все из них доступны человеку при нынешнем уровне развития науки, техники и самого человека. И если ограбление отдельных граждан и страны в целом реально, то и этот процесс по крайней мере частично управляем и направляем. Пока отечественная и зарубежная мафия будут действовать свободно и согласованно, объединяясь в кланы внешне благопристойных “деловых” людей, проливающих крокодильи слезы соболезнования человеческому горю, и в услужении у этих “благодетелей” будет ходить падкая на подачки околонучная, околотворческая и околодуховная интеллигенция, ситуация в России не стабилизируется и тем более не улучшится. А всё, что аукнется в России, откликнется во всём мире. Прав был Рильке, когда говорил: “Есть такая страна – Бог; Россия граничит с нею”.

Мировая финансовая война ведётся уже, как минимум, второе столетие. Всякий раз, когда накал финансовых страстей, алчности и амбиций достигает предела и унять их политическим путем не удастся, вспыхивает вооружённый конфликт такой мощности, что перерастает в пожар физического насилия. Носит ли этот пожар местный характер или охватывает весь мир, не меняет сути дела. Очаги всех бывших и нынешних конфликтов замешаны на алчности, властолюбии, животных инстинктах и личной выгоде агрессора. Жертвами агрессии всегда становились и становятся люди миролюбивые и строго придерживающиеся норм права и морали. Интересами народов ловко манипулировали и манипулируют политические мошенники, предпочитающие оставаться в тени и делать руками наёмников всю “грязную” работу. Нанимают работников разных профессий и категорий: от политиков и учёных до менеджеров и террористов. Сами же подсчитывают барыши и учат, как надо жить и работать. Когда речь идёт о финансовой выгоде и власти, то трудно представить преступление, на которое не пойдут алчность и властолюбие. Преступаются ли при этом границы норм права или морали, ничего не меняет на деле. Одно бесспорно: человек хуже зверя, когда он зверь.

Со второй половины прошлого века немецкая марка повела битву за пальму первенства с французским франком, но в результате первой мировой войны победил английский фунт, и центр финансового мира переместился из Парижа в Лондон, а Берлин начал подготовку ко второй мировой войне. Германия проиграла и вторую мировую войну, а фунт уступил первенство доллару. Но почему и в третьей мировой войне, давно идущей в финансовом мире, должен страдать ни в чем не повинный российский рубль, в который вцепились, как собаки в медведя, валюты не только дальнего, но и теперь уже ближнего зарубежья? Мало того, что неведомо куда уплыло золото царской казны, а вслед за ним и золотой запас СССР, так еще и общее расстройство денежно-финансовой системы России позволяет хозяйничать в ней всем, кому не лень. Чтобы завоевать Россию, её не надо оккупировать и тратить на содержание оккупационных войск. Куда дешевле и надежнее ввозить свою валюту, миссионеров своей религии, культуры и образа жизни, а также продукцию, не находящую сбыта в своей стране. На последнюю нас берут, как в своё время брали туземцев на “огненную воду”, стеклянные бусы и прочие побрякушки.

Но Россия не раз уже доказывала, что воевать с нею опасно и бессмысленно. Что уже сделал истерзанный рубль с долларом и другими “рыцарями удачи”, видно хотя бы из следующего. В 1990 доллар “стоил” 20 рублей, на которые можно было купить 10 кг мяса, или 4 бутылки водки, или 6 кг сыра. По госцене, правда, не без трудностей, за 300-400 долларов можно было стать владельцем нового легкового автомобиля. Теперь доллара мало и на 0,5 кг мяса, бутылку водки или 0,3 кг сыра, а на самый дешевый автомобиль уже надо 5-6 тысяч долларов. Покупательная способность доллара и других валют снизилась в несколько раз, так что фактический курс рубля не снизился, а вырос. У рубля своё жизненное пространство, обеспеченное и гарантированное ему экономическими законами, и никто и ничто не может лишить рубль его законных прав и свобод. Кроме того, за рублем стоит Россия, и тот, кто воюет с рублем, будет иметь дело с нею. Достоинство рубля будет уверенно расти. Жаль, если охотники поживиться за счёт России не сообразят, что же на самом деле происходит и в чьих руках может оказаться инициатива в ближайшем будущем, когда Россия обновит свою команду, введя в бой свежие резервы. До некоторых “суверенов” СНГ кое-что, похоже, уже начинает доходить.

Реформа денежно-финансовой системы и есть то дело, которое позволит рублю занять достойное место в мировой финансовой системе, а России вернуть себе статус мировой державы и покончить с нынешним унижительным положением “бедной родственницы” за столом “семерки”.

Пока мы делаем свое дело ценой невероятных жертв и потерь, словно в первые месяцы Великой Отечественной. Как и тогда, нас застали врасплох, да и к тому же нынешнюю войну мы ведём в значительной степени с самими собой, со своей косностью и отсталостью. У каждого поколения своя война. Наши деды, отцы и старшие братья свою войну выиграли. Теперь очередь за нами. И время уже работает на нас. Надо его ловить всеми парусами. Хватит

отступать. И начать наступление нужно прежде всего на двух фронтах: духовном и финансовом.

Недостатка в идеях, как возродить рубль, нет. Но на войне, как на войне. Если бы Наполеон знал, что задумал Кутузов, он никогда не вошёл бы в Москву. Князь Святослав писал своим противникам: “Иду на вы!” Он был силен в открытом бою. Его воины не могли развернуться в узких улочках средневековых городов и гибли. Но если Святослав выманивал противника в чистое поле, он делал с ним, что хотел. Это и есть русский стиль в политике: биться с нечистой силой, выводя её в чистое поле или на чистую воду. Это же стиль русского рукопашного боя. Лучшие отечественные боксеры Королев, Попенченко, Агеев вели бой в открытой стойке, с опущенными руками. Но как красиво побеждали! А всё потому, что работали не только и не столько руками, сколько головой. Не перевелись ещё на Руси головастые люди. Так что в открытом и честном поединке не уступит рубль ни доллару, ни марке, ни фунту и никакой другой валюте ни дальнего, ни ближнего зарубежья.

Но об этом в следующих книгах.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: БЕЛОВЕЖСКИЙ СГОВОР НАЧАЛСЯ... СТО ЛЕТ НАЗАД *(интервью газете “Не может быть”, №12, 1998)*

В мае 1999 года исполнится 10 лет со дня открытия Первого Съезда народных депутатов СССР, взорвавшего Союз силой слов: “демократия”, “рынок”, “перестройка”, “гласность” и так далее. Второй раз в этом столетии нарушилась связь времен. Прошлое было отсечено от будущего – советское от демократического, как в 1917 году – царское от советского. “Опять в России нет законной власти”, – утверждает доктор экономических наук, профессор Международного славянского института, сопредседатель Общероссийского земского Союза Александр ЖУРАВЛЕВ. Он считает, что, познав тайну этого беззакония, мы сможем его победить.

— ***Но позвольте, профессор – возразил я теоретику, – любой руководитель современной России скажет вам, что его власть очень даже законная – в отличие от самодержавия и советов.***

— **Вспомните:** после Октябрьского переворота вопрос о власти должен был решаться Учредительным собранием, но его разогнали большевики. Затем на последнем в истории России земском Соборе, состоявшемся в 1922 году во Владивостоке, власть большевиков была объявлена незаконной.

Первый Съезд народных депутатов СССР, по сути, стал современным земским собором. Он мог бы завершить дело предыдущего Собора, отменив Шестую статью Конституции СССР о КПСС как руководящей и направляющей силе в стране, формально отрешив большевиков от власти. Но связь времён восстановлена не была. Страна не только не покаялась в преступлениях революции и гражданской войны, но и во всех последующих. А преступления эти чудовищны: в нынешнем столетии на территории нашей страны умерли

насильственной смертью больше людей, чем на всей планете за всю историю человечества.

— ***Может, умом Россию не понять потому, что она сошла с ума? Иначе чем объяснить ужасы, царящие в стране в течение столетия?***

— Я бы сказал: многое было сделано для того, чтобы Россия стала безумной. И нам крайне необходимо покаяние, что в переводе с греческого означает “изменение ума”, а в данном случае – восстановление.

— ***На чем же, по вашему мнению, свихнулось население шестой части суши?***

— Об этом хорошо написал академик Иван Павлов в 1932 году. Цитирую: “Должен высказать свой печальный взгляд на русского человека. Он имеет такую слабую мозговую систему, что не способен воспринимать действительность как таковую. Для него существуют только слова. Его условные рефлексы кодированы не с действиями, а со словами”.

Будь у России враг, знающий эту нашу слабость, то нам, как говорится, хана. Если не восстановим ум, не вернём утраченный идеал, – то к чему можно стремиться, что манит и ведёт по жизни, определяет наше “Я”. Например, Ницше говорил, что француз ищет женщину, а немец и еврей выгоду. Русскому не чужды все эти наклонности. Но есть нечто, что выделяет русского среди всех прочих, даёт ему качественную определенность. Это отличие состоит в том, что на первое место русский ставит поиск справедливости, истины, смысла жизни. Русский ищет слово и чутко реагирует на него. Именно поэтому “поэт в России больше, чем поэт”. Столь же разрушительно или созидательно действует слово на всю Россию.

— ***Очень похоже, что её враги давно знали эту слабость и воспользовались ею в полной мере.***

— Процесс обрушения России был запущен в прошлом веке тремя словами: “русский”, “интеллигенция” и “труд”. Их смысл был преднамеренно искажён – усвоив его, народ потерял цель и смысл жизни. Мы оказались как бы закодированы на саморазрушение и самоистребление.

— ***Извините, но мне эти слова кажутся не искаженными, а полными высокого смысла...***

— Позвольте. До прошлого века русскими называли восточных славян – великороссов, малороссов и белорусов, которые находились в лоне Православной Церкви, являлись гражданами единой страны, имели общую культуру. А Пушкин говорил, что русский – тот, кто любит Россию. Это понятие определялось не столько физической, сколько духовной компонентой. Стоило исказить смысл слова “русский”, выхолостив его высокое содержание и выбросив две составляющих – “украинец” и “белорус”, как начался процесс национального разобщения.

— ***Выходит, “беловежский сговор” начался гораздо раньше, чем мы думали?***

— Конечно, он начался в прошлом веке. Можно было бы считать случайным искажение смысла одного слова. Но лет сто назад некие интеллигенты

стали корезить одно за другим, как по команде сверху. В т.ч. было извращено само слово “интеллигенция”.

Приходилось слушать и читать, что оно было введено в оборот в конце прошлого века Бабарыкиным. Неправда: этим словом в древнее время пользовался Авиценна, а в средние века – Николай Кузанский. Интеллигентами всегда называли людей, которые имели высокие духовные качества, высокую культуру. Интеллигентность – не профессия, а качество человека.

Но в СССР этот смысл был чудовищно искажён. Интеллигенту вменялось в обязанность быть атеистом, т.е. духовным кастратом. Если ходишь в храм да ещё молишься, значит, тёмный, ведь религия – опиум для народа. Религиозная компонента слова “интеллигент” была отброшена. Подобным образом было выхолощено слово “совесть”, которая раньше обозначала религиозное чувство.

— *Занимающийся лингвистическими исследованиями Евсей Мейлицев, который считает себя нерелигиозным человеком, тем не менее убежден, что “совесть” обозначает “совместную весть”, то есть сообщение, идущее от Бога. В отличие от “разума”, который принадлежит одному человеку.*

— Увы, в наше время мало кому понятна этимология ключевых слов. Раньше они имели религиозный смысл, но он был выхолощен за одно столетие. И получилось по Достоевскому: если Бога нет, то всё можно. Искажение высокого смысла слов стало началом духовной деградации и религиозного раскола.

Ещё печальнее метаморфоза произошла со словом “трудящиеся”. Раньше так называли всех тружеников, а потом – только людей физического труда: рабочих и крестьян. Представителей умственного труда окрестили “служащими”, отождествив это слово с уже искажённым понятием “интеллигенция”. С помощью подобных смысловых манипуляций был умело запущен механизм классовой борьбы.

— *Вам могут возразить, что вы путаете причину со следствием: мол, русские выродились и у них поехала крыша – они сами стали искажать смысл слов, без посторонней помощи.*

— Наверное, оба процесса шли одновременно. Их результат ни у кого не вызывает сомнений. Вместо соборности Россия обрела национальный, религиозный и классовый расколы, продолжающиеся по сей день. Они становятся всё более опасными, а т.н. стабилизация достигается за счёт чудовищных страданий народа.

Прав был герой Булгакова: у нас разруха – не в клозетах, а в головах. Искажено наше мышление, искривлена, деформирована душа. Но ещё 200 лет назад на вопрос “Как дела в России?” Карамзин с грустью ответил: “Воруют”. Ему было известно, что слово “воровать” с древних времен означало “кривить душой”. Поэтому его ответ был гораздо глубже, чем кажется нашим современникам.

— *Не кривят ли новые русские душой, называя магазин шопом, согласие – консенсусом, вора в законе – олигархом и так далее?*

— Вот именно – воруют.

Идёт очередная мировая война – финансовая, политическая, информационная. Самое грозное оружие в этой войне – слово. Искажая его, можно запустить процессы, которые через несколько десятилетий способны разрушить страну до основания, даже если в ней не гремели взрывы и не свистели пули. Но дело в том, что эти же процессы вызывают и военные конфликты.

— ***Итак, вначале было слово?***

— Если понимать его как Логос, то, что несёт смысл. Словом может быть и жест, и взгляд. Помните: “И мановением руки в атаку бросил он полки”? Или так: “Но человека человек послал к анчару грозным взглядом”. Есть музыкальное слово, живописное, архитектурное и др. Но любое слово может быть правдивым или ложным. Увы, в последние десятилетия словотворцы предлагают нам очень много лжи.

— ***Вы полагаете, что это смертельная отравка?***

— Против неё есть противоядие. Первая русская конституция, которую ввёл Ярослав Мудрый, называлась “Русская правда”. Он завещал потомкам: чтобы побеждать врагов, надо прежде всего беречь не тело, а душу.

Увы, не уберегли. Но ещё не всё потеряно. Спасение России надо начинать с возрождения человеческих душ. Прежде всего – восстановить истинный смысл ключевых слов.

— ***Как же вы представляете себе это возрождение?***

— Крушение России началось с отречения законного государя-императора. Логично предположить, что конец её падения и начало взлёта будет положено отречением незаконного главы государства. Еще в 1954 году Иван Ильин предупреждал о недопустимости после крушения большевистского режима избирать главу государства прямым и тайным голосованием. Оглушенный целенаправленной пропагандой народ вполне может избрать руководителя нравственно и психологически чуждого себе. Но стоит ли ждать, когда “всенародно избранный” станет “всенародно изгнанным”? Не пора ли Сеньке снять шапку Мономаха? Не по Сеньке она.

— ***Вы предлагаете ему помочь в обнажении головы?***

— Я хочу только напомнить исторические факты, когда в подобных ситуациях оказывались наши правители. Если не хотели сами, то шапку снимали с них другие – иногда вместе с головой. И сегодня, на мой взгляд, нет у нашего Сеньки другого выхода, кроме как самостоятельно снять шапку.

— ***Уж не хотите ли вы заменить Сеньку Стенькой?***

— Наоборот. После самоотречения Сеньки мы предлагаем провести Земский Собор, который отсеет претендентов на пост президента и рекомендует список для прямого и тайного голосования, коль скоро это предусмотрено действующей Конституцией. Кто наберет более 50% голосов участников Собора, тот станет законным главой государства. В результате страна станет президентско-парламентской республикой, а точнее – конституционной монархией. Она вступит на путь самоорганизации и самоуправления. Мы как бы вернёмся назад для того, чтобы мощно двинуться вперед.

— ***Однако эти политические перемены не прекратят разрушительную игру словами, о которой вы говорили.***

— Но создадут благоприятные условия для этого прекращения. Первое слово о восстановлении истинного смысла всех слов должен сказать человек, который в России будет олицетворением Логоса – помазанник Божий. И мы уже готовим эти перемены.

Я руковожу общественным научно-методическим центром “Россия в XXI веке”. На его семинарах собираются представители самых разных сил, которые стремятся к возрождению державы. Пока они только обмениваются мыслями и пытаются найти точки соприкосновения. Но это уже немало: мы пытаемся сконцентрировать интеллект, чтобы противопоставить его мощь той силе, которая тайно разрушает Россию.

— ***Вы засветите своих единомышленников – и их уберут...***

— Нормальный интеллект всегда бывает тайной силой. Ведь хороший воин никогда не скажет, как он будет воевать. Да, провокаторы призывают нас дать им нашу программу. Но представьте, что было бы, предоставь Кутузов французам программу Бородинской битвы. Или Жуков осведомил бы Гитлера о плане Курской дуги. Об этом даже смешно говорить.

— ***Но разве в этом интервью вы не изложили программу?***

— Я изложил лишь некоторые концептуальные положения – если угодно, протокол о намерениях. Что касается действий, то это дело тайное на любой войне – горячей, холодной, финансовой, словесной и т.д. Действия не могут быть открытыми. Даже для игры в преферанс есть правило: карты – к орденам. А в политических играх вам и сами карты никто не покажет.

— ***Но вы же устраиваете открытые семинары. Вас могут убрать одним махом, как ветеранов Афгана на Котляковском кладбище.***

— В нашем движении участвует так много людей, что остановить его невозможно. От того, что кто-нибудь исчезнет, ничего не изменится. Нельзя же уничтожить весь народ. Поэтому мы не боимся засвечивания. И говорим нашим противникам: не мы начали холодную войну – нас вынудили наступать не на физическом, а на интеллектуальном фронте. Интеллект же непобедим и неистребим, какое бы оружие ему ни противостояло, вплоть до ядерного.

Россия обладает колоссальным интеллектуальным потенциалом. Только он погашен, прибит, задавлен, загнан внутрь нас.

Но мы уже переводим этот потенциал в кинетическую энергию слов, которая запускает процессы возрождения державы. Ведь идея, овладев массами, становится материальной силой.

Не правда ли, господин Маркс?

Содержание

Предисловие

Из предвыборной программы (“Вечерний Минск”, 6 марта 1989)

Из интервью газете “Известия” (“Известия”, 16 августа 1989)

Из выступления на заседании секции “О мерах по оздоровлению советской экономики” Второго Съезда народных депутатов СССР (14 декабря 1989)

Кто лично мешает переменам (“Неделя”, июнь 1990)

Восхождение по знанию (“Карьера”, № 4, 1990)

Криком дома не построишь (“Советская Россия”, 15 ноября 1991)

Голгофа русского крестьянства (“Нива России”, февраль 1993)

В каком доме нам жить (“Народный депутат”, № 3, 1993)

Парадоксы Горбачева (“Нива России”, март 1993)

Между молотом и наковальней (“Нива России”, март 1993)

Россия и мир (“Нива России”, апрель 1993)

Феномен Горбачева (“Нива России”, апрель 1993)

Нравственные уроки Сергия Радонежского (“Соотечественник”, № 12, сентябрь 1993)

Праздник победы отменяется (“Независимая газета”, 10 октября 1993)

Только дух животворящ (“Труд”, 13 января 1994)

Русская идея государственности (“Интервью”, № 4, 1994)

Власть и деньги (“Власть”, № 17, 1993)

Вместо заключения: Беловежский сговор начался... 100 лет назад
(интервью газете “Не может быть”, № 12, 1998)

АФОРИЗМЫ

- Уход от действительности в правительство.**
Радости жизни удерживались, как подоходный налог.
Одним всё, другим – всё остальное.
Сбылась вековая мечта народа о лучшей доли при эмиграции.
В человеке всё должно быть прекрасно, вплоть до гражданства.
Государственные альфонсы по традиции именуются
государственными мужами.
Впечатление, что вертикаль власти строили пизанские мастера.
Кто из нас с добром пойдёт, от добра и погибнет.
Твёрдая рука – признак окоченения.
Прогресс зашёл так далеко, что потерял из виду людей.
Пятна капитализма оказались родимыми.
Суверенные белок и желток объединяет яичница.
Ветви власти укрепляют состояние бурелома.
Самые страшные драконы – безголовые.
Прогресс есть поиск совершенствования проблем.
Настоящая глупость не оставляет места для конкуренции.
Постоянные неприятности укрепляют иммунитет к радостям
Созданное на века портится каждый день.
Будущее всегда лучше, но не всегда для нас.
Чем больше отнято, тем больше можно обещать.
Обещания в особо крупных размерах
исторически подпадают под амнистию.
Ответ есть на всё, пока не задумаешься над чем-нибудь.
Не пора ли узаконить отделение государства от населения?
Из нашей избы осталось вынести только сор.
Родившись человеком, довольно сложно
устроиться по специальности.
Факты любят настаивать на своём, даже когда всё против них.
Хомо или сапиенс? – вот в чём вопрос.
Перспектива рекомендует пользоваться действительностью.
Такие смешные заработки, что плакать хочется.
Хуже богатства только бедность.
В лабиринте платят за выход.
Не падай духом где попало!